

W 270

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ОДОБРЕННЫЙ

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 4. АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСИЖНИКЪ

М. П. А. П.

КАНЦЕЛЯРИЯ И КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ СЛУЖБА

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ОДОБРЕННЫЙ

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 4. АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

ПОДПИСАНО

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДРУЗЬЕВЪ И ПОДПИСАТЕЛЕЙ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 11 іюня дня 1862 года.

Ценсоръ *С. Лебедевъ.*

№ 1111

№ 1111

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

Нѣсколько минутъ изъ жизни насѣкомыхъ А. Зуб- КОВСКАГО	1
Бѣдствія четырехъ русскихъ китолововъ <i>(его же)</i>	8
Жизнь въ озерѣ <i>(его же)</i>	20
Завоеваніе Перу	26
Руоѣ и ея друзья, <i>(съ англійскаго)</i> . Окончаніе	216

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ

1	Население и климат восточной Азии
2	История Китая
3	Культура Китая
4	Экономика Китая
5	Политика Китая
6	Военное дело Китая
7	Наука и искусство Китая
8	Религия Китая
9	Семейная жизнь Китая
10	Образование Китая
11	Сельское хозяйство Китая
12	Промышленность Китая
13	Торговля Китая
14	Судопроизводство Китая
15	Служба в Китае
16	Семейные отношения в Китае
17	Семейная жизнь в Китае
18	Семейная жизнь в Китае
19	Семейная жизнь в Китае
20	Семейная жизнь в Китае
21	Семейная жизнь в Китае
22	Семейная жизнь в Китае
23	Семейная жизнь в Китае
24	Семейная жизнь в Китае
25	Семейная жизнь в Китае
26	Семейная жизнь в Китае
27	Семейная жизнь в Китае
28	Семейная жизнь в Китае
29	Семейная жизнь в Китае
30	Семейная жизнь в Китае
31	Семейная жизнь в Китае
32	Семейная жизнь в Китае
33	Семейная жизнь в Китае
34	Семейная жизнь в Китае
35	Семейная жизнь в Китае
36	Семейная жизнь в Китае
37	Семейная жизнь в Китае
38	Семейная жизнь в Китае
39	Семейная жизнь в Китае
40	Семейная жизнь в Китае
41	Семейная жизнь в Китае
42	Семейная жизнь в Китае
43	Семейная жизнь в Китае
44	Семейная жизнь в Китае
45	Семейная жизнь в Китае
46	Семейная жизнь в Китае
47	Семейная жизнь в Китае
48	Семейная жизнь в Китае
49	Семейная жизнь в Китае
50	Семейная жизнь в Китае
51	Семейная жизнь в Китае
52	Семейная жизнь в Китае
53	Семейная жизнь в Китае
54	Семейная жизнь в Китае
55	Семейная жизнь в Китае
56	Семейная жизнь в Китае
57	Семейная жизнь в Китае
58	Семейная жизнь в Китае
59	Семейная жизнь в Китае
60	Семейная жизнь в Китае
61	Семейная жизнь в Китае
62	Семейная жизнь в Китае
63	Семейная жизнь в Китае
64	Семейная жизнь в Китае
65	Семейная жизнь в Китае
66	Семейная жизнь в Китае
67	Семейная жизнь в Китае
68	Семейная жизнь в Китае
69	Семейная жизнь в Китае
70	Семейная жизнь в Китае
71	Семейная жизнь в Китае
72	Семейная жизнь в Китае
73	Семейная жизнь в Китае
74	Семейная жизнь в Китае
75	Семейная жизнь в Китае
76	Семейная жизнь в Китае
77	Семейная жизнь в Китае
78	Семейная жизнь в Китае
79	Семейная жизнь в Китае
80	Семейная жизнь в Китае
81	Семейная жизнь в Китае
82	Семейная жизнь в Китае
83	Семейная жизнь в Китае
84	Семейная жизнь в Китае
85	Семейная жизнь в Китае
86	Семейная жизнь в Китае
87	Семейная жизнь в Китае
88	Семейная жизнь в Китае
89	Семейная жизнь в Китае
90	Семейная жизнь в Китае
91	Семейная жизнь в Китае
92	Семейная жизнь в Китае
93	Семейная жизнь в Китае
94	Семейная жизнь в Китае
95	Семейная жизнь в Китае
96	Семейная жизнь в Китае
97	Семейная жизнь в Китае
98	Семейная жизнь в Китае
99	Семейная жизнь в Китае
100	Семейная жизнь в Китае

НѢСКОЛЬКО МИНУТЬ ИЗЪ ЖИЗНИ НАСѢКОМЫХЪ.

Былъ прекрасный юньскій день. Я шелъ въ полѣ, по густой травѣ, перемѣшанной съ различными цвѣтами, между которыми душистый чебрець, золотыя тысячникъ и голубые колокольчики попадались чаще другихъ. Миѣ совѣстно было топтать этихъ прелестныхъ питомцевъ природы, изъ которыхъ каждый, по словамъ Спасителя, одѣтъ такъ, какъ не одѣвался и самъ Соломонъ во всей славѣ своей; я осторожно обходилъ ихъ. Ароматный паръ, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, вставалъ съ земли и наполнялъ воздухъ, между тѣмъ какъ небо спустилось къ землѣ, казалось, до того ужъ близко, что отъ его дыханія, въ видѣ легкаго вѣтерка, шевелились верхушки травъ и качались граціозныя головки цвѣтовъ. Вслушиваясь въ это безмолвіе, нарушаемое только жаворонками, звенѣвшими надъ моею головою, какъ серебряные колокольчики, гдѣ-то въ синевѣ воздушной, впечатлѣваясь этою любовію, разлитою во всей природѣ, я невольно повторяю себѣ ту вѣрную мысль, что и наше

счастіе вполне возможно лишь тогда, когда мы будемъ жить въ неразрывномъ союзѣ съ Богомъ, въ его святомъ сообществѣ.

Я здѣсь совершенно одинъ. Но такъ ли? точно ли я здѣсь одинъ? Вокругъ меня не кипятъ ли здѣсь жизнь на каждомъ шагу, на каждой точкѣ? Это поле, эти травы населены множествомъ различныхъ насекомыхъ, которыя, какъ и люди, хлопчуть и суетятся отъ ранней зори до позднихъ сумерекъ, у которыхъ, слѣдовательно, есть свои нужды, свои дѣла и обязанности. Природа и имъ также не дала ни свитыхъ уже гнѣздъ, ни готовыхъ норъ для жилья; пищу они добываютъ себѣ трудами и эти труды переносятъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и постоянствомъ; они также терпятъ много невзгодъ со стороны самой природы; они также сильно привязаны къ жизни и защищаютъ ее до послѣдней крайности, не обнаруживая при томъ ни молодущія, ни отчаянія. Насѣкомыя уважаютъ и себѣ подобныхъ тварей: не было примѣра, чтобы муравей, напримѣръ, нападалъ на такого же какъ самъ, чтобы оса задѣла осу. Споръ между ними возможенъ лишь тогда, когда дѣло пойдетъ о выгодѣ или безопасности каждаго изъ нихъ отдѣльно. Насѣкомыя имѣютъ также у себя и вѣрныхъ друзей, и жестокихъ враговъ.

Но чтобы живѣе представить себѣ жизнь этого міра маленькихъ существъ съ его потребностями, надобно умалиться въ воображеніи до этихъ существъ такъ, чтобы трава казалась намъ высокимъ дремучимъ лѣсомъ, промежутки между стеблями растений, смотря

по разной величинѣ, представлялись намъ то дорогами, то тропинками, то площадями. Тогда нора жука какого нибудь будетъ для насъ огромною, зіяющею пещерою, а повиснувшая на листкѣ травы капля дождевая большимъ, съ радужными цвѣтами, водянымъ шаромъ. Тогда споръ двухъ незнакомыхъ между собою муравьевъ за червячка, при стеченіи множества насѣкомыхъ—зрителей, будетъ для насъ не маловажнымъ произшествіемъ.

Едва я прилегъ у бугорка на траву и нарочно успокоился, чтобы движеніями своими не пугать насѣкомыхъ, какъ на меня налетѣла длинная, изумруднаго цвѣта бабочка, *) у которой четыре продолговатыя крыла похожи были на тончайшую слюдовую плеву. Она, прививая меня, должно быть, за неподвижную гору, преспокойно усѣлась на моей ногѣ, чтобы доѣсть мошку, которую пережевывала въ крѣпкихъ своихъ челюстяхъ. Бабочка при этомъ безпрестанно и съ живостію поворачивала во всѣ стороны свою зеркальную головку: это она такъ смотритъ, потому что отсвѣчивающая поверхность ея головки, имѣющей цвѣтъ самага нѣжнаго зеленого бархата, служитъ ей вмѣсто глазъ.—На выдавшуюся складку моего платья взлѣзъ сѣренькій, съ краснымъ брюшкомъ и желтою скользкою грудью, кузнечикъ; онъ

*) Этотъ летучій родъ насѣкомыхъ неправильно называютъ стрекозами. Стрекоза прыгаетъ, а не летаетъ и есть тоже, что кобылка. Стрекоза рождается изъ яичка, а бобочки суть превращенныя гусеницы.

тоже, весело поворачиваясь туда и сюда, приподнявъ свои крылышки и засверчалъ: это его пѣсня; но онъ скоро прыгнулъ и ушелъ въ густоту своего тѣнистаго травяного лѣса, гдѣ, на лежащемъ поперекъ дороги сухомъ стеблѣ травы, сидѣло нѣсколько другихъ кузнечиковъ; они въ обычной своей праздности зѣвали на дорогу: кузнечики большіе охотники зѣвать; малѣйшій шумъ привлекаетъ ихъ вниманіе и они тотчасъ изъ густоты выбираютъ на открытое мѣсто, чтобы посмотреть, что такое случилось. Съ этою цѣлю они часто взлѣзаютъ на самыя верхушки травъ. Мимо сидѣвшихъ кузнечиковъ пробѣжалъ съ какою-то добычею паучекъ, одинъ изъ тѣхъ партизатовъ-забіякъ, которые не только не имѣютъ постоянного жилища, но и не ткуть себѣ паутины и живутъ гдѣ попало. Тутъ же, недалеко, нѣсколько маленькихъ жучковъ, называемыхъ на югѣ, въ простонародіи, алѣнками, бѣгали туда и сюда, суетились, сходились и расходились; они заняты были вырытіемъ себѣ подземныхъ келій, которыя уже, какъ видно, давно ими начаты, но еще не кончены. Норки эти начинаются двумя отверстіями, постепенно углубляющимися въ землю; жучки непрерывно одни выходили, другіе уходили въ норы; каждый изъ выходящихъ несетъ въ челюстяхъ частицу земли и, оставивъ ее въ сторонѣ отъ входовъ, возвращается за тѣмъ же опять въ пещеру. Вдругъ жучки все остановились и прижались къ землѣ, а кузнечики перестали пѣть и также присѣли; раздался шелестъ: зеленая, съ черными крапинками ящерица бѣжитъ, быстро перебирая своими четырьмя лапками.

Добѣжавъ до меня, она остановилась, поворотила голову и своими маленькими, свѣтящимися глазами стала всматриваться въ меня, какъ бы въ недоумѣніи—опасаться ли ей меня, или нѣтъ. Послѣ минутной нерѣшимости, она вдругъ быстро скрылась; жучки опять принялись за работу, а кузнечики долго смотрѣли въ слѣдъ убѣжавшей ящерицы. — Темнокоричневый, съ длинными, въ видѣ булавокъ, усиками мотылекъ, съ двумя на крыльяхъ кружечками, походящими на глаза, запутался въ густотѣ полевыхъ фіалокъ, трепещетъ крыльями и выбирается на поверхность цвѣтка. На сухомъ листкѣ чемерицы безпрестанно показываются и скрываются бойкіе паучки, забавляясь, кажется, шумомъ, который они производятъ своими лапками по засохшему листку. А тамъ, на самой верхушкѣ высоко подняшагося палеваго цвѣтка буквицы, сидитъ всѣми любимая Божія коровка: она готовится улетѣть въ сіянье дня, приподняла уже свои какъ киноварь красныя, съ черными точками, надкрылія, служащія щиткомъ для ея плесообразныхъ крылышекъ, и въ то же время развертываетъ эти крылышки, и они своею серебряною нѣжностію превосходятъ нѣжность крыльевъ самой феи Мабъ! А тамъ, какъ въ лѣсной чащѣ, въ густотѣ высокой травы и на стебляхъ, и подъ листьями, то по одиночкѣ, то цѣлыми кистями сидятъ и дремлютъ комары, уцѣпившись передними ногами и оставивъ заднія. Они теперь сидятъ въ бездѣйствіи, потому что при дневномъ свѣтѣ худо видятъ, за то въ сумерки и ночью видятъ очень хорошо и тогда-то проявляется вся ихъ безпокойная дѣятельность. Забавна

ихъ игра въ тихій лунный вечеръ или на зарѣ дня. Собравшись на воздухѣ въ густыя тучи, надъ какою-нибудь лужайкою, они то клубомъ, то въ видѣ столба, какъ будто по знаку какому, всѣ вдругъ поднимаются высоко или опускаются до земли, или мгновенно отхлынуть въ сторону, звуча при этомъ свою однообразную высокую ноту громче обыкновеннаго. Судя по быстротѣ этихъ движеній и какому-то воодушевленію, надобно думать, что комары въ такой игрѣ находятъ для себя величайшее удовольствіе. Звукъ они производятъ крыльями, которыя у нихъ состоятъ изъ тоненькихъ, густо между собою переплетенныхъ волосковъ, покрытыхъ тоненькою прозрачною кожицею.

Но всего любопытнѣе было здѣсь видѣть переселеніе муравьевъ изъ подъ стараго пня какого-то дерева къ небольшому возвышенію, на разстояніи около 15-ти сажень; муравьи со всѣми пожитками, со всѣмъ своимъ добромъ шли непрерывною цѣпью, въ которой лѣвая сторона двигалась отъ стараго жилища къ новому и въ ней не было ни одного свободнаго муравья; каждый изъ нихъ несъ передъ собою въ челюстяхъ—кто остатокъ недоѣденной пищи, кто кусочекъ дерева или древесной коры, кто солѣнку; многіе несли дѣтенышей, бѣленькихъ червячковъ, неправильно называемыхъ муравьиными яичками или подушечками, высоко приподнявъ ихъ надъ собою, изъ предосторожности. Правая сторона переселенцевъ двигалась отъ новоселья къ старому гнѣзду, за новыми пошами; прежнія они уже сдали въ новомъ жилищѣ и теперь всѣ вдутъ порожемъ. Нѣкоторые изъ этихъ

свободныхъ муравьевъ партіями сворачивали съ пробитой ими дороги въ сторону, для снисканія пищи, точно партіи отъ большой арміи для фуражировки. Если добыча, найденная этими мародерами, была значительной величины, то ее тащили къ полчищу двое или трое. Умершихъ или заболѣвшихъ на дорогѣ относили подалеже отъ дороги.

Со времянь Соломона и до нашихъ дней муравьи почитались образцомъ трудолюбія и заботливости. Это не совсѣмъ справедливо: муравьи могутъ заботиться о средствахъ жизни для настоящаго времени, лѣтомъ, что же касается до зимы, то на это время гола они не дѣлаютъ никакихъ запасовъ пищи, да она имъ и ненужна, потому что во все продолженіе холоднаго времени муравьи вовсе не принимаютъ пищи и въ своихъ подземныхъ келіяхъ кучами лежатъ въ совершенномъ оцѣпенѣніи, такъ что ихъ можно счесть за мертвыхъ; съ наступленіемъ весны, они оживаютъ и снова начинается ихъ дѣятельная жизнь. Да и лѣтомъ находимая ими пища большею частію тотчасъ же и съѣдается, а не кладется въ запасъ.

Но, какъ бы то ни было, муравьи, по своей непрерывной дѣятельности, по своей любви къ обществамъ, какими они всегда живутъ, обнаруживающей своего рода гражданственность, весьма замѣчательныя насѣкомья.

А. ЗУБКОВСКІЙ.

БѢДСТВІЯ ЧЕТЫРЕХЪ РУССКИХЪ КИТолововЪ.

Въ 1743 году, Архангельской губерніи города Мезеня купецъ Еремей Окладниковъ предпринялъ послать къ острову Шпицбергену судно для китоваго и звѣринаго промысла. Онъ нанялъ четырнадцать чело-вѣкъ охотниковъ и одного лодмана, снабдилъ ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ провіантомъ и разными орудіями для ловли китовъ и звѣрей, и въ половинѣ іюля отпра-вилъ въ дальній путь, рассчитывая, чтобы къ пер-вымъ числамъ августа, то есть, къ тому времени, ког-да берега Шпицбергена бываютъ свободны отъ льдовъ, люди его могли уже быть на мѣстѣ и начать ловлю. Помолясь Богу, люди эти сѣли на судно, подняли парусъ и при помощи попутнаго вѣтра вышли изъ рѣки Мезеня въ Бѣлое море.

Скоро берега мало по малу начали теряться въ синѣющей дали, а часовъ черезъ пять-шесть исчезла и малѣйшая примѣта материка; плывущее судно ох-ватилъ безпредѣльно-однообразный горизонтъ, синій и сверху, синій и снизу. Только бѣлыя и черныя чайки

вились еще нѣкоторое время надъ судномъ и съ крикомъ проносились надъ нимъ вереницы дикихъ гусей, какъ бы для напоминанія о покинутыхъ берегахъ. Къ концу дня, судно съ развернутымъ крыломъ—парусомъ, какъ одинокій лебедь, несло уже среди безпредѣльнаго царства безмолвія и пустоты, въ которыхъ и самая быстрая птица уже не залетаетъ и которыхъ житель материка и представить себѣ не можетъ. Наши мореходцы, какъ и всѣ питомцы архангелогородскаго побережья, люди привычные къ подобнымъ странствованіямъ, весело плыли по морю, разлегшись на палубѣ и куря трубки. Но тутъ начался для нихъ другой міръ; стали попадаться имъ на встрѣчу то стада бѣлугъ, предводимыхъ своими матками, изъ которыхъ нѣкоторыя несли на хребтахъ своихъ черно—голубыхъ дѣтенышей, то блуждающія льдины съ спящими на нихъ тюленями или моржами. Мореходы пробовали стрѣлять въ нихъ, но животныя обнаруживали нѣкоторую тревогу только послѣ перваго и отчасти втораго выстрѣла, послѣдующіе же за тѣмъ нисколько ихъ не беспокоили и они преспокойно лежали, не трогаясь съ мѣста. Восемь дней сряду погода благоприятствовала судну. Окладникова и вѣтеръ дулъ попутный; на девятый день, послѣ непродолжительнаго затишья, вѣтеръ перемѣнился и повѣялъ отъ сѣверо—запада; крѣпчая часъ—отъ—часу, онъ къ вечеру превратился въ грозную бурю, которая сильно всколыхала океанъ и подвела на немъ огромные валы. Съ судна въ это время уже видны были западные берега Шпицбергена, у которыхъ обыкновенно пристають всѣ ки-

толовныя суда, но несмотря на то, оно, при самыхъ напряженныхъ, самыхъ отчаянныхъ усиліяхъ, не могло приблизиться къ острову, всю ночь проборолось съ опасностями и къ утру отнесено было къ одному изъ необитаемыхъ острововъ, окружающихъ Шпицбергенъ. Тутъ судно, въ разстояніи трехъ съ половиною верстъ отъ берега, очутилось между льдовъ, которые, по причинѣ волненія, находились въ безпрерывномъ движеніи, то спираясь между собою и вставая горами, то съ трескомъ обрушиваясь въ бездну; гулъ вѣтра, ревъ волнъ и скрежетъ льдинъ дико отдавались у пустынныхъ береговъ острова; судно, тѣснимое и затираемое льдами, дрожало какъ осиновый листъ, пловцы ежеминутно ожидали, что какая нибудь громадная лава льда подыметъ ихъ съ судномъ на свою скользкую поверхность и столкнувшись съ другою льдиною, стряхнетъ съ себя судно въ море, какъ орѣховую скорлупу, или набѣжавъ, раздавитъ его и обратитъ въ щепы. Несмотря на такое отчаянное положеніе, бѣдствующие мореходцы предпочитали лучше держаться здѣсь, у береговъ, гдѣ еще возможно было спасеніе, нежели удалиться въ море, въ которомъ, среди глубочайшаго мрака ночи и тумана, исчезла бы для нихъ всякая надежда къ спасенію.

Между тѣмъ, управлявшій судномъ лоцманъ, Алексѣй Хилковъ объявилъ товарищамъ, что это тотъ самый островъ, на которомъ въ недавнее время земляки ихъ, также мезеньскіе промышленники, зимовали въ привезенной ими съ этою цѣлью такъ называемой разборной избѣ. Это извѣстіе нѣсколько ободрило экипажъ,

мореходцы стали совѣщаться и единодушно рѣшили отправить изъ среды себя четырехъ человекъ для осмотра острова и для отысканія сказанной избы, и если она существуетъ, то остаться здѣсь зимовать, или покрайней мѣрѣ переждать жестокую бурю, перенеся всѣ свои вещи на берегъ и оставивъ судно на якорѣ. Выборъ палъ на самаго же лоцмана Хилкова, его родственника Ивана Хилкова и еще на двухъ изъ экипажа—Степана Шарапова и Федора Веригина. Они взяли съ собою нѣкоторое количество съѣстныхъ припасовъ, ружья, пороховой рогъ съ двѣнадцатю зарядами, столько же пуль, топоръ, небольшой котелъ, полпуда муки, ножъ, труть и огниво, нѣсколько табаку, по деревянной трубкѣ и, перекрестясь, спустились съ судна на первую огромную льдину.

«Смотрите же, братцы, сказалъ лоцманъ остающимся на суднѣ и спускаясь съ него послѣднимъ:—не унывайте, продержитесь тутъ какъ нибудь пока мы вернемся, авось Господь помилуетъ насъ.»

—Только не мешкайте тамъ, отцы родные, елико возможно не мешкайте, отвѣчали остающіеся. Лоцманъ что-то сказалъ, но словъ его нельзя было разслышать за налетѣвшимъ порывомъ бури. Такъ какъ льдины безпрестанно сталкивались между собою, сильно сотрясались и кололись на части, то путь по нимъ къ берегу былъ чрезвычайно опасенъ и труденъ. Лоцманъ Хилковъ и трое его спутниковъ, подаваясь впередъ шагъ за шагомъ, часто принуждены были перепрыгивать съ одной льдины на другую, или подавать другъ другу руку; наконецъ добрались они до обрывистаго

берега, кое-какъ взобрались на него, перевели дыханіе и оборотились къ судну, чтобы замахать шапками своимъ товарищамъ, но судно, окутанное зеленоватымъ туманомъ, уже едва-едва видѣлось, такъ что знакъ благополучнаго достиженія земли не могъ уже быть на немъ примѣченъ. Четыре спутника пустились внутрь острова отыскивать избу.

Печальную и глубоко-дикую пустыню представлялъ собою этотъ негостепріимный островъ! на немъ, въ слѣдствіе жестокости климата, почти вовсе нѣтъ растительности, никакого дерева, ни одного кустика, и земля покрыта сплошнымъ кудреватымъ мохомъ; въ разныхъ мѣстахъ видѣются конусообразные холмы съ нетающимъ на ихъ вершинахъ снѣгомъ. Углубясь во внутренность острова верстъ на девять, путешественники дѣйствительно увидѣли близъ одного изъ холмовъ избу, и ничто не могло сравниться съ ихъ радостію! Казалось, изнуреніе, которое они чувствовали отъ непомѣрныхъ и продолжительныхъ усилій, вдругъ превратилось въ свѣжесть силъ, и они торопливо приблизились къ строенію: изба была довольно ветхая, съ двумя на полдень окнами, заколоченными поперекъ досками; предъ входомъ въ нее была пристройка, въ родѣ корридора, дверь въ которую открывалась наружу и заперта была вверху деревянною задвижкой. Черезъ этотъ корридоръ они вошли въ избу, на нихъ пахнуло холодною сыростью, какъ изъ могильнаго склепа; они увидѣли довольно просторную комнату, въ углу которой стояла печь, слѣпанная изъ глины, по образцу русскихъ крестьянскихъ печей, безъ трубы и такъ, что въ ней

можно было варить пищу и печь хлѣбы, а наверху была площадка, на какой крестьянинъ обыкновенно спитъ зимою; вооль стѣны, противъ печи, стояла широкая скамья. Посредствомъ найденныхъ тутъ щепокъ, они развели въ печкѣ огонь, нѣсколько отогрѣлись и, подкрѣпившись пищею, заночевали. На утро, чуть свѣтъ, они отправились къ судну, чтобъ извѣстить своихъ товарищей о счастливомъ открытіи. Буря тогда уже утишилась. Но коковы были ихъ горестъ и ужасъ, когда, подойдя къ берегу, они не нашли своего судна! Въмѣсто льда, которымъ наканувѣ покрыто было море, они увидѣли, на сколько человѣческой глазъ видѣть можетъ, одну чистую воду, но на ней никакого признака, никакого пятнышка, ничего, что бы можно было принять за отнесенное волнами судно. Буря, свирѣпствовавшая ночью, разнесла ледъ и очистила поверхность океана. Бѣдные промышленники не знали что и подумать о суднѣ: льдами ли оно затерто и погибло, или, сорванное съ якоря, занесено куда-нибудь и еще цѣло, потому что и это нерѣдко случается съ китоловами. Какъ бы то ни было и чтобы съ нимъ ни случилось, только мореходцы никогда уже его не видѣли болѣе, и оставшіеся на немъ люди съ тѣхъ поръ пропали безъ вѣсти, изъ чего навѣрное можно заключить, что судно погибло въ минувшую грозную ночь.

Это несчастіе отняло всѣ силы у нашихъ странниковъ; долго они, молча, какъ безумные, блуждали по пустыннымъ берегамъ, не отрывая глазъ отъ того мѣста, гдѣ стояло ихъ судно; напрасно въ слѣдующіе два-три дня нонѣсколько разъ возвращались гула же,

все еще съ какою-то надеждою: несчастіе ихъ было слишкомъ вѣрно. Живо и во всемъ ужасѣ представились имъ тогда и вѣчная разлука съ обитаемою землею и заключеніе на этомъ пустомъ островѣ, и наконецъ вѣрная смерть отъ нестерпимой стужи и голода. Опасеніе ихъ было тѣмъ основательнѣе, что къ этому дикому лоскутку земли никто и никогда изъ моряковъ не пристаесть. Особенно страдалъ лоцманъ, у котораго въ Мезени была жена и трое дѣтей: разлука съ ними и безнадежность свиданія доводили его до отчаянія. Но привычка къ жизни и инстинктивное самосохраненіе мало по малу побудили ихъ къ дѣятельности. Прежде всего озаботились они починкою избы, набрали моху и забили имъ щели въ дверяхъ и у оконъ, исправили крышку, какъ только можно было ее исправить безъ новаго лѣсу, а внутрь комнаты натаскали моху для постели. Когда они работали на крышкѣ, то неоднократно видѣли, какъ огромные бѣлые медвѣди, привлеченные небываломъ стукомъ топора, остановясь не въ дальнемъ отъ избы разстояніи, долго смотрѣли на нихъ и потомъ съ глухимъ рыкомъ уходили.

Скоро злопелучнымъ странникамъ напомнила о себѣ и другая нужда—холодъ: руки и ноги коченѣли у нихъ отъ жестокаго мороза, а они не имѣли чѣмъ развести огонь, чтобъ отогрѣться. Въ крайности, начали они строгать топоромъ стѣны внутри избы и откалывать отъ нихъ щепы, но этого слишкомъ было недостаточно и притомъ такой способъ отопленія не могъ быть продолжаемъ безъ вреда для единственнаго ихъ убѣжища. Сколько ни блуждали они по острову, сколько ни стара-

лись найти какое нибудь топливо, ничего не находили кромѣ сырого моху. Во время этой тщетной заботы, въ глубинѣ острова они замѣтили множество бѣгавшихъ передъ ними оленей и песцовъ; нѣсколько разъ приходилось имъ защищаться отъ медвѣдей, которые здѣсь до того смѣлы и люты, что сами нападали на странниковъ и всякій разъ преслѣдовали ихъ до самой избы, окруживъ ее, держали нѣкоторое время какъ бы въ осадѣ. Такъ какъ у нашихъ промышленниковъ пороху было всего только 12-ть зарядовъ, то они дорожили имъ какъ драгоценностію, посредствомъ которой могли продлить свое существованіе, особенно когда видѣли, что небольшой ихъ запасъ провіанта уже почти истощился. При первомъ нападеніи медвѣдей, только одинъ выстрѣлъ рѣшились они выпустить въ огромнаго звѣря болѣе другихъ дерзкаго и преслѣдовавшаго ихъ по пятамъ. Медвѣдя этого они втащили въ избу, содрали съ него кожу и мясо употребили въ пищу, а жиръ на освѣщеніе комнаты, сдѣлавъ для этого плошку изъ медвѣжьяго же черепа. Вскорѣ, бродя по берегамъ моря, они, къ невыразимому своему удовольствію, стали находить то какіе-то обломки, должно быть отъ погибшихъ караблей, то доски и даже цѣлыя деревья съ корнями, принесенныя волною изъ странъ щедрѣе снабженныхъ, природою но неизвѣстныхъ нашимъ промышленникамъ; попадалась также и пенька, пригодная для свѣтильни въ плошку. Все это прилежно они собирали и такимъ образомъ обезпечили себя отъ холода и темноты. Въ доскахъ находили они много большихъ гвоздей, а изъ одного обломка вытащили

железный крюкъ, изъ котораго, помощію камней, выковали себѣ что-то въ родѣ молота, изъ гвоздей же надѣлали копій и стрѣлъ, съ которыми довольно удачно охотились на оленей.

Для ловли песцовъ ставили въ разныхъ мѣстахъ и во множествѣ ловушки. Привыкнувъ къ опасностямъ жизни, они все вмѣстѣ, вооружась копьями и ружьями, ходили и на медвѣдей, къ самымъ ихъ берлогамъ, и всякій разъ возвращались благополучно и съ большою добычею. Часто, во время жестокихъ мятелей, промышленники должны были оставаться по цѣлымъ суткамъ въ избѣ и тогда они занимались выдѣлкою звѣриныхъ шкуръ, изъ которыхъшили себѣ разной одежды и обуви, вмѣсто совершенно износившейся, въ которой они прибыли на островъ. Для этого они мочили шкуры въ снѣговой водѣ до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ легко могла быть выдергиваема шерсть; потомъ голыя кожи мяти до-суха въ рукахъ, псливая ихъ изрѣдка оленьимъ жиромъ, отъ чего онѣ дѣлались мягкими. Тѣ кожи, которыя нужны были для теплой одежды, мочили они только однѣ сутки и, вынувъ изъ воды, выминали съ шерстью, точно также поливая жиромъ. Такъ нужда научаетъ человѣка всему.

Физическое существованіе нашихъ промышленниковъ было обезпечено; но ихътѣснила невыразимаягрусть при мысли о родинѣ. Увидятъ ли они ее когда нибудь? И что ихъ можетъ утѣшить въ этомъ печальномъ заключеніи? Что ихъ ожидаетъ впереди? Солнце здѣсь заходитъ въ началѣ ноября, а восходитъ въ концѣ января—почти три мѣсяца ужасной полярной ночи, съ

морозами, которыхъ не можетъ опредѣлить никакой термометръ, потому что ртуть въ немъ замерзла бы въ двѣ минуты, — которые захватываютъ дыханіе, жгутъ и рѣжутъ, отъ которыхъ никакіе мѣха не могутъ достаточно согрѣть человѣка. А этотъ глубочайшій мракъ, который здѣсь, можно сказать, темнѣе самаго себя? Еще онъ ночью умѣряется хоть на какіе-нибудь полчаса сѣвернымъ сіяніемъ, ночью иногда проглянетъ изъ-за тумановъ и луна, но день здѣсь темнѣе ночи. Часто, имѣя подобность выйти изъ избы, промышленники, послѣ величайшихъ усилій, едва могли продраться на поверхность снѣга, занесшаго ихъ избу въ какихъ-нибудь пять-шесть часовъ; возвращаясь съ промысла, они не разъ не находили своего жилища и только высокій шестъ, поставленный ими на крышѣ строенія, показывалъ имъ гдѣ они должны разрывать снѣгъ, чтобы попасть въ избу.

На другой годъ бѣдствія, не смотря на непрерывную дѣятельность, служащую единственнымъ средствомъ предохранять себя отъ скорбута, обыкновенно здѣсь поражающаго людей, одинъ изъ нихъ, именно Веригинъ, заболѣлъ этимъ недугомъ, колѣни его начали пухнуть, нестерпимое зловоніе отъ него усилилось, появилась чрезвычайная слабость, въ изнеможеніи онъ слегъ и вскорѣ скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Этотъ случай увеличилъ горестъ оставшихся въ живыхъ промышленниковъ. Мрачно глядя на безжизненный трупъ своего товарища, лежавшій на скамьѣ какъ костяной, каждый изъ нихъ думалъ: что, ежели и другіе товарищи также помрутъ и я останусь одинъ?

что со мною тогда будетъ въ этомъ отверженномъ краю?... Но надобно было погребсти тѣло. Это было въ октябрѣ. Время подходило къ вечеру; безцвѣтно мутное, свинцовое небо какимъ-то чудомъ прояснилось; на краю горизонта показался полный мѣсяць. Помолясь Богу о душѣ усопшаго, промышленники завернули мертвеца въ оленью шкуру, вынесли изъ избы и зарыли въ глубокомъ сугробѣ снѣга, съ тѣмъ, чтобы, когда настанетъ коротенькое лѣто и хоть скольконибудь оттаетъ поверхность земли, вырыть для него настоящую могилу и поставить крестъ. И ничто не могло сравниться съ ихъ тоскою, когда они, возвратясь съ горестныхъ похоропъ, вошли въ свою избу, походившую теперь болѣе чѣмъ когда либо на юдоль смерти, на темную могилу! Послѣ этой катастрофы, промышленники провели здѣсь еще четыре года; на пятый, въ августѣ мѣсяцѣ, собирая по берегамъ топливо, они увидѣли, верстахъ въ пятнадцати отъ берега, корабль. Убѣдившись, что это именно корабль, а не марево какое, не спершіяся льдины, которыя здѣсь представляютъ видъ цѣлыхъ флотовъ и городовъ съ башнями, они въ неописанной радости поспѣшили къ ближайшимъ холмамъ, развели на нихъ огни и на высокомъ шестѣ выставили медвѣжью шкуру, чтобы дать о себѣ знать находящимся на кораблѣ, кто бы они не были.

Дѣйствительно, сигналы эти были примѣчены и корабль въ непродолжительномъ времени приблизился къ берегамъ. Судно было изъ Архангельска и шло къ западнымъ берегамъ Шпицбергена, но противными

вѣтрами спесено было въ эту сторону. Минута избавленія наступила. Провидѣніе благоволило наконецъ прекратить страданія нашихъ странниковъ. Остановясь верстахъ въ трехъ отъ берега, новые мореходцы прислали за бѣдствующими промышленниками шлюпку и, послѣ переговоровъ, взяли ихъ на корабль со всѣмъ ихъ имуществомъ, съ условіемъ, что, по прибытіи въ Архангельскъ, они обязаны будутъ заплатить хозяину корабля 80 рублей; имущество же ихъ состояло изъ 50 пудовъ оленьяго жиру, 250 песцовыхъ и нѣсколькихъ медвѣжьихъ шкуръ. Въ сентябрѣ они всѣ трое прибыли въ Архангельскъ въ совершенномъ здоровьи. Питаясь въ продолженіе шести лѣтъ однимъ мясомъ звѣрей, они долго не могли привыкнуть къ хлѣбу и всякій разъ, когда ѣли его, чувствовали въ животѣ жестокою боль.

А. ЗУБКОВСКІЙ.

ЖИЗНЬ ВЪ ОЗЕРѢ.

Чудесенъ этотъ водяной міръ! Въ немъ все иначе, чѣмъ на сушѣ; неизвѣстны наши бури, непонятны жары и засухи; огненные лучи солнца, проникая въ глубину водяную, грѣютъ, но не жгутъ, звѣзды кажутся дрожащими, луна растянутаю и зыблется; въ немъ есть свои тѣнистыя рощи и дремучіе лѣса, свои равнины, покрытыя золотистымъ пескомъ, на которомъ маленькія рыбки толпою любятъ рѣзвиться, блистая серебряною чешуею. Простой камешекъ, обыкновенная раковина на днѣ рѣки или озера принимаютъ иной видъ, кажутся лучшими, чѣмъ внѣ воды. При видѣ прозрачныхъ струй, чувствую представляется отрадная прохлада; хотѣлось бы побывать въ этомъ подводномъ міркѣ и оттуда взглянуть на нашъ подводный міръ съ его безконечно синимъ небомъ. Кусочекъ стекла, Богъ-вѣсть какимъ образомъ попавшій въ эти струи и оглоданный волною, трепещетъ намъ оттуда дорогою жемчужиной. По мѣрѣ того, какъ дно рѣки или озера, начиная отъ береговъ, постепенно

понижается, предметы въ водѣ, сквозя чрезъ синеву, становятся все менѣе и менѣе ясны, какая-то таинственность начинаетъ окружать ихъ, а наконецъ глубокая тѣнь совершенно скрываетъ ихъ отъ взора. Тутъ ждешь, что изъ недоступной взору глубины вотъ-вотъ кто-то выйдетъ, покажется какое-то существо . . .

Пойдемъ, читатель, въ поле, къ небольшому озеру. Вотъ оно издали блеститъ какъ круглое зеркало. Озеро это было когда-то заливомъ рѣки, протекающей недалеко отъ него; но когда протокъ, ихъ соединявшій, изсякъ и пересохъ, то заливъ сталъ озеромъ. Оно лежитъ въ небольшой впадинѣ, которую окружаютъ луга, затопляемые водою только во время весенняго разлива рѣки; по берегамъ его растутъ нѣсколько кустовъ молодой осоки и камышь; на двухъ противоположныхъ берегахъ раскинулись одинъ противъ другого два вѣтвистые дуба. Дно озера пещаное и вода въ немъ чиста и прозрачна до того, что можно видѣть почти все, что происходитъ въ этомъ отдѣльномъ водяномъ міркѣ; видно даже, какъ по чистому дну его пробѣжитъ маленькій жучекъ или покатится золотистая песчинка.

Станемъ въ тѣни, подъ дубомъ, на его выдавшихся корняхъ, чтобы намъ съ этого возвышенія удобнѣе было смотрѣть въ озеро. Только предупреждаю васъ, мы должны стоять смирно и потише разговаривать, иначе не увидимъ ни одной рыбки, потому что онѣ тоже порядочно чутки и, заслышавъ наши голоса, спрячутся. Рыбаки хорошо знаютъ о тонкомъ слухѣ рыбъ и потому во время ловли соблюдаютъ тишину.

Какое спокойствіе въ воздухѣ! Слышенъ даже всплескъ рыбки, схватившей, на поверхности воды, муху; въ глубинѣ озера видится другое небо и на немъ маленькая тучка съ разлоченными краями въ видѣ бахромки. Смотрите, вотъ у самыхъ нашихъ ногъ, по берегу, робко пробирается стадо маленькихъ рыбокъ, то вытягиваясь въ длинную вереницу, то сбиваясь въ кучу, очевидно, онѣ еще недавно родились изъ икры: такія онѣ крошки. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ приблизились къ самому краю берега, что даже спинки ихъ выставились изъ воды; онѣ полощутся и грѣются на солнышкѣ. Маленькія рыбки непременно плаваютъ стадами. Случается, что онѣ играютъ иногда и въ разсыпную, вотъ какъ теперь; но при малѣйшей опасности онѣ опять съ быстротою соединяются въ кучу, такъ что непріятель, погнавшійся за ними, развлекаясь ихъ множествомъ и колеблясь въ выборѣ, которую бы изъ нихъ схватить и сожрать, тѣмъ самымъ даетъ имъ время уйти отъ него. А вотъ шагахъ въ десяти отъ берега, на самомъ днѣ озера, какъ змѣйка плыветъ угорь: какъ онъ граціозно и съ какимъ спокойствіемъ извивается: ни одна рыба не имѣетъ столько гибкости и проворства. Онъ направляется къ этому поросту, который для него кажется веселою рощею; тамъ онъ найдетъ маленькихъ улитокъ и червяковъ, которыми питается. Между стеблями этого пороста видите ли вы проворнаго жука? спина у него черная лоснящаяся, а брюшко желтое; онъ подбѣгаетъ то къ тому, то къ другому растенію и у самага корня ихъ зарывается въ песокъ. Немножко дальше отъ пороста

изъ темно-зеленаго лѣсу камыша выходитъ полосатый съ красными перьями окунь, за нимъ другой, третій, четвертый, — штукъ до десяти; они вышли на чистое мѣсто, обступили небольшую зеленую бодягу, осматриваютъ ее со всѣхъ сторонъ, какъ бы желая знать, чтобы это было такое; нѣкоторые даже дотрогиваются до нея носиками и отходятъ въ сторону. Рыба эта тоже ходитъ стаями до совершеннаго возраста. Разъ сидѣлъ я на этомъ самомъ мѣстѣ, закинувъ удочку въ озеро. Прождавъ минутъ съ пять, смотрю, нѣсколько молодыхъ окунковъ вышли изъ своего камышеваго лѣсу и приблизились къ удочкѣ. Они обступили ее со всѣхъ сторонъ, какъ вотъ теперь бодягу, и тоже, казалось, разсматривали ее; надѣтый на удочкѣ червячекъ еще шевелился. Вдругъ одинъ окунекъ, смѣло бросаясь впередъ, схватилъ удочку и хотѣлъ уже тащить добычу въ свой лѣсъ, но я легонько дернулъ за удило и крючекъ впился въ жабры смѣльчака. Я началъ тихонько подводить жертву къ берегу; окунь изъ всѣхъ силъ своихъ упирался перьями и хвостомъ, бросался то въ ту, то въ другую сторону, стараясь сорваться. Другіе окуни, нисколько не подозрѣвая опаснаго положенія своего товарища, гурьбою слѣдовали за нимъ. Тутъ я дернулъ удило нѣсколько сильнѣе, вытащилъ окуня изъ воды, снялъ его съ удки, сколько можно стараясь не сдѣлать большой раны, и пустилъ его опять въ воду; рыбка скрылась изъ виду быстрѣе чѣмъ глазомъ мигнуть.

Но смотрите сюда, на право: въ тѣни, подъ широкими листьями лататника, что это тамъ такое не-

подвижное чертится, какъ продолговатый кусокъ дерева?.. Вотъ оно нѣсколько подвинулось къ намъ... Это щука, злѣйшій врагъ всего живущаго въ пресныхъ водахъ. Я говорю всего живущаго, потому что щука пожираетъ все, что ей ни попадетсѣ: рыбъ, лягушекъ, водяныхъ мышей, все: она хватаетъ даже окуня, не смотря на его грозныя, колючія перья и необыкновенно жесткую и твердую чешую; не смѣя напасть на него съ головы, она хватаетъ его поперекъ и, удушивъ; пожираетъ. Щука нападаетъ даже на себѣ подобныхъ. Были примѣры, что двѣ щуки равной величины старались пожрать другъ друга и, сцѣпившись, выбрасывались на берегъ, гдѣ и умирали. Щуки, какъ хищныя, всегда плаваютъ по одиночкѣ. Приталясь гдѣ нибудь въ закрытомъ мѣстѣ, щука долго и терпѣливо стоитъ неподвижно, какъ мертвая, изрѣдка только едва шевеля перьями, и горе рыбѣ, которая, обманувшись мнимою дремотой этой прожорливой твари, приблизится къ ней или проплыветъ передъ ея пастью: черезъ мгновеніе она очутится въ желудкѣ щуки. Смотрите, щука, которую мы видимъ, едва движетъ жабрами, но и при этомъ движеніи можно замѣтить, какая у нея огромная пасть; ея стеклянные глаза нѣсколько впалы; вблизи отъ нея, вправо, къ стволу лататника прильнула улитка, выставивъ изъ подъ своей винтообразной раковины черныя ушки, а глубже, подъ самую щукою, на днѣ, ходитъ золотой линь; но и улитка и этотъ линь безопасны, потому что щука бросается на жертву только въ прямомъ направленіи передъ собою. Вниманіе нашей щуки об-

ращено именно сюда , къ берегу, на этихъ безопасно играющихъ рыбокъ; видите , какъ она едва замѣтно подвигается , подкрадывается; еще немного и она бросится на нихъ съ быстротою молніи. Но рыбки вдругъ, скучась , шарахнулись отъ берега всѣ до единой: сорвавшійся съ дуба засохшій листокъ упалъ какъ разъ надъ ними и испугалъ ихъ: это кстати, какъ нельзя болѣе! Этотъ листокъ предотвратилъ отъ нихъ величайшую опасность; щука уходитъ въ глубь, не удался ей замыселъ!

На небѣ показались сѣрыя облака, отъ времени до времени встаетъ легкій вѣтерокъ и рябитъ гладкую поверхность озера; внутренности его мы уже не можемъ такъ хорошо видѣть и должны прекратить свои наблюденія.

А. ЗУБКОВСКІЙ.

ЗАВОЕВАНІЕ ПЕРУ.

Америка открыта въ 1492 году. Привезенныя изъ нея въ Европу рѣдкія ткани, птицы, сіявшія всѣми цвѣтами радуги, золото—все это произвело обаятельное впечатлѣніе. Цѣлыя толпы устремились за море: пови-дать собственными глазами чудныя новыя страны, поискать сокровищъ... И какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было сидѣть дома, послѣ разказовъ тѣхъ, кто былъ въ новомъ свѣтѣ. «Тамъ», говорили разскащики, указы-вая на западъ, «тамъ особой породы люди, тамъ не-виданныя животныя.... тамъ сѣть, закинутая въ воду, вылавливаетъ самордки золота, величиною въ голуби-ное яйцо....» И увлекаясь своими описаніями, путе-шественники, незамѣтно для самимъ себя, прибавляли къ дѣйствительности произведенія собственной фан-тазіи; прерывающимся отъ волненія голосомъ, они сказывали: «за моремъ—волшебные источники здравія, золотые дворцы и храмы...» Молча, съ изумленіемъ слушали своихъ соотечественниковъ толпы испанцевъ. Задумывался средневѣковой кавалеръ—рыцарь; бѣдна,

сѣра казалась ему окружающая его обыденная жизнь.... Собиралъ онъ свой тощій багажъ и отиравался за море. Страстно прищуривалъ онъ свои глаза въ праздныя минуты долгаго плаванія чрезъ океанъ. И вотъ предъ нимъ проносились великолѣпныя картины ожидавшей его жизни: вотъ онъ сражается съ полунагими дикарями-язычниками, онъ обращаетъ ихъ въ Христіанство.... онъ дѣлается угоденъ Богу! И какъ легко доставается ему великая награда Царствія Небеснаго: ему легко будетъ побѣдить, а стало быть и просвѣтитъ дикарей: тѣла ихъ не устоятъ противъ человѣка закованнаго въ сталь.... А съ побѣдами и слава! А золото? Вѣдь говорятъ, тамъ можно его брать съ земли руками, да класть себѣ за пазуху! Золото! Слава! Царство Небесное! въ восторгѣ и страшно шепталъ путникъ....

Быстро усеѣли европейцы объѣхать и посѣтить всѣ восточные берега Америки; успѣли они завоевать и царство Мексикку. А между тѣмъ завѣса, скрывавшая золотые берега Тихаго океана, была приподнята только въ 1525 году.

Въ 1511 г. пронеслись лишь первые слухи о Перу. Вотъ откуда шли эти слухи: Разъ какъ-то испанецъ Бальбоа бережно взвѣшивалъ нѣсколько крупинокъ золота, добытыхъ отъ туземцевъ: внимательно слѣдилъ онъ за колебаніемъ вѣсовъ. Вдругъ, къ его крайнему изумленію, подходитъ къ вѣсамъ молодой индѣецъ и ударяетъ по нимъ кулакомъ. Драгоцѣнное золото разсыпалось. «Если вы такъ дорого цѣните этотъ металлъ,» сказалъ индѣецъ, «такъ дорого, что изъ за него оставляете свои жилища и даже подвергаете жизнь

опасности, то я могу рассказать вамъ о такой землѣ гдѣ и пьютъ, и ѣдятъ изъ золотыхъ сосудовъ, гдѣ золото такъ же дешево, какъ у васъ желѣзо!» Индѣецъ указаль по направленію къ западу, чрезъ Панамскій перешеекъ. Для Бальбоа довольно было однако этого указанія; онъ схватилъ свой мечъ и отправился искать золотую землю. Совершилъ онъ изумительно трудное путешествіе: перебрался чрезъ горныя громады, отдѣлявшія востокъ перешейка отъ запада, Атлантическій океанъ отъ Великаго. И вотъ передъ искателемъ приключеній раскинулась необъятная гладь неизвѣстнаго дотолѣ океана. Какъ былъ, во всемъ вооруженіи, бросился Бальбоа въ волны. «Я беру,» закричалъ онъ въ порывѣ рыцарскаго восторга, «я беру это неизвѣстное море, со всеѣмъ тѣмъ, что оно въ себѣ заключаетъ, во владѣніе кастильскаго короля; буду защищать слово свое противъ всеѣхъ христіанъ и невѣрныхъ, которые осмѣлятся только оспаривать его!» Довольно этого разсказа, чтобъ повясть, какой духъ оживлялъ испанца, за три съ половиною вѣка до нашего времени.

Бальбоа погибъ жертвою зависти своихъ враговъ. Мысль, одушевлявшая его, была на нѣкоторое время оставлена.

Прежде, нежели начнемъ мы разсказъ о завоеваніи Перу, посмотримъ, какова физіономія перуанской земли, какова тамошняя природа и каковы были туземные жители.

Древняя перуанская монархія тянулась съ сѣвера на югъ узкою и длинною полосою: она занимала западные предѣлы нынѣшнихъ республикъ: Эквадора, Перу, Боливіи и Чили. Съ запада она ограничена была повсемѣстно Великимъ океаномъ, къ востоку во многихъ мѣстахъ перекидывалась за восточный склонъ Кордильеръ. Горы, идущія вдоль всей страны, параллельно берегу, составляютъ при морѣ песчаную и безводную полосу; тутъ нѣтъ ни богатыхъ рѣкъ, ни обильныхъ ручьевъ. Да ихъ не могло бы и быть: не могло здѣсь образоваться такихъ великолѣпныхъ рѣкъ, какія текутъ съ восточныхъ склоновъ Кордильеръ: восточные склоны — покаты, западные же составляютъ отвѣсныя и крутыя стѣны растрескавагося порфира и гранита. Кордильеры кажутся глазу путника, плывущаго по волнамъ океана, непрерывною, великолѣпною цѣпью, отдѣльно же стоящіе вулканы представляются ему пиками этой цѣпи. Горы поднимаются надъ горами; и Чимборассо съ нѣжнымъ сводомъ своимъ, далеко сіяющимъ въ облакахъ, вѣнчаетъ цѣлое, какъ бы небесною діадемою. И какихъ только чудесъ, какихъ дикихъ красотъ не создала здѣсь горная природа! Всюду встрѣчаются страшныя рщелины, такъ называемыя quebradas: тщетно старается разглядѣть ихъ зіяющее дно утраченный путникъ; онъ съ робостію пробирается по тропинкѣ, повидимому висящей въ воздухѣ. Бѣшеные горные потоки попадаютъ на каждомъ шагу. Сурова и скудна была здѣшняя природа, когда она попала въ первый разъ въ руки человѣка: песокъ и сухость береговъ мѣшали земледѣлію; горныя пропасти и ручьи

сообщеніямъ; палящее экваторіальное солнце жгло въ низменностяхъ, суровый холодъ знобилъ въ горахъ.

Однако покорили и воздѣлали непокорную страну жившіе здѣсь люди. Берега они оросили сотнями каналовъ и водопроводовъ (*); провели великолѣпныя каменныя дороги (**). Если гдѣ попадались на пути бѣшеные потоки, то и надъ ними не задумывались Перуанцы. Они ставили на обоихъ берегахъ каменные устои; сквозь отверстія устоевъ продѣвали канаты, толщиною въ человѣческое тѣло, сплетенные изъ ивовыхъ вѣтвей; канаты переплетались, на нихъ накидывались доски и мостъ былъ готовъ. Такіе воздушные мосты, имѣвшіе до 200 футовъ въ длину, склонялись къ срединѣ съ ужасающею крутизною. Смѣло шель по мосту привычный пѣшеходъ; страшно качался мостъ, а внизу, подъ ногами, ревѣла и бушевала вода. Гдѣ встрѣчались спокойныя и тихія рѣки, тамъ переправлялись на плотяхъ. Стѣмѣли перуанцы воспользоваться для земледѣлія и горами, повидимому, столь неблагоприятными для этого. Они обдѣлали горы уступами. Уступы, находившіеся внизу, у самой подошвы, были гигантскихъ размѣровъ; хоть они высѣкались и въ гранитѣ, однако нерѣдко заключали въ себѣ не одну сотню десятинъ, каждый. Самые верхніе изъ уступовъ вмѣщали въ себѣ лишь по нѣскольку полосъ

(*) Одинъ изъ нихъ тянулся на 400—500 миль; мѣстами водопроводы уцѣлѣли до нашего времени, и вода еще течетъ въ нихъ съ вѣчнымъ, таинственнымъ ропотомъ.

(**) Одна изъ дорогъ имѣла около 3000 верстъ въ длину.

ржи. Ступеи такихъ горныхъ лѣстницъ, пирамидально облежавшихъ гору, унавоживались плодотворнымъ пометомъ морскихъ птицъ, гуано. Каково было высѣкать такіе уступы въ твердомъ камнѣ, каково было втаскивать гуано на горную высоту! Обдѣланная такимъ образомъ гора засѣвалась и засаживалась самыми разнообразными растеніями; въ самомъ низу помѣщались тропическія растенія, далѣе растенія нашихъ умѣренныхъ странъ, а еще далѣе—странъ холодныхъ. Воздѣланная гора имѣла видъ груды изумрудной земли.

Драгоценнымъ домашнимъ богатствомъ перуанцевъ были ламы, туземное вьючное животное; шерсть получали они отъ стрижки дикихъ лигкунъ и гуанаконъ, которые скитались въ первобытной свободѣ по оледенѣлымъ грядамъ Кордильеръ. Эти «стада безъ пастыря» нерѣдко взбираются на высоту 24 т. футовъ, т. е. на ту высоту, гдѣ царитъ лишь гигантская индійская птица—кондоръ. Были у перуанцевъ отлично устроенныя почты, богатые магазины, снабженные припасами и матеріалами для одежды, и все это въ такихъ размѣрахъ, что изъ общественныхъ магазиновъ питался и одѣвался весь народъ!

Вотъ что рассказываютъ перуанскія преданія о томъ, какъ выучились перуанцы всѣмъ своимъ хитрымъ работамъ и всему своему благоустройству:

Въ давнишнее время древнія племена, населявшія материкъ, были погружены въ грубое варварство: они боготворили безъ разбора все попадавшееся на глаза,

проводили время во взаимной рѣзни, пожирали плѣнниковъ... Солнце, великій источникъ свѣта и прародитель людей, сжалилось надъ плачевнымъ ихъ состояніемъ. Оно низпослало для науки людямъ двухъ божественныхъ чадъ своихъ, двухъ супруговъ—брата и сестру, Манко Копака и Мамо-Оэлло-Гуоко. Небесные путники несли въ своихъ рукахъ кусокъ золота и направили свой путь по равнинѣ, окружающей озеро Титикаку. Повелѣно было остановиться свѣтлой четѣ тамъ, гдѣ золото само сабой опустится въ землю. Опустилось золото на мѣстѣ города Куско; тамъ осталась и небесная чета: Манко сталъ учить мужчинъ земледѣлію, Мамо женщинъ—пряжѣ и тканью. Дикій народъ охотно собирался къ своимъ учителямъ; онъ основалъ тутъ Куско, будущую перуанскую столицу.— Есть еще другое преданіе: по его словамъ, изъ водъ того же озера Титикака вышли какіе-то бородатые люди, съ свѣтлыми лицами; они-то и были просвѣтителями дикихъ людей.—Царственное племя Инковъ, повелителей перуанцевъ, вело свой родъ отъ Манко и Мамо, чадъ солнца; оно, стало быть, присвоивало себѣ божественное происхожденіе отъ перуанскаго божества—Солнца. Какъ въ тускломъ зеркалѣ можно различить, хотя неясное, но тѣмъ не менѣе вѣрное изображеніе какого либо предмета, такъ въ рассказанныхъ нами преданіяхъ можно отыскать также неясное, но, по видимому, также вѣрное отраженіе исторической истины, истины давно забытой перуанцами. И вотъ какъ: преданія выводятъ свѣтлыхъ просвѣтителей перуанцевъ или изъ окрестностей озера Титикака или же изъ

самыхъ волнъ этого озера. По всей вѣроятности, около Титикаки, когда-то, давно, жило загадочное образованное племя. Это подтверждается и тѣмъ, что близъ Титикаки уцѣлѣли слѣды построекъ вовсе не перуанской, а какой-то особенной архитектуры. Образованное племя могло покорить себѣ одно за другимъ окрестныя дикія индѣйскія племена; оно, соединивъ ихъ, образовало перуанское царство. Конечно предводители загадочнаго племени стали царственною династіею въ царствѣ: они присвоили себѣ и божественное происхожденіе, какъ дѣлали это вообще всѣ предводители древнихъ народовъ.—И какъ неизмѣримо высоко держало себя въ глазахъ своего народа это царственное племя, эти «сыны солнца», называвшіеся инками! Каждый изъ нихъ, имѣя по нѣскольку женъ, оставлялъ послѣ себя значительное потомство; такъ что съ теченіемъ времени составилось цѣлое племя инковъ. Если вѣрить словамъ историковъ, инки говорили особеннымъ языкомъ, носили особую одежду.... Простой инка могъ быть потомкомъ солнца лишь по отцѣ; но царь непременно долженъ былъ быть чистѣйшаго солнечнаго происхожденія: его отцемъ бывалъ предъидущій инка-царь, матерью сестра этого инки. Носилъ царь одежду изъ тончайшей викуньей шерсти, богато раскрашенной и сіявшей золотомъ и драгоценными камнями. На голову его надѣвали разноцвѣтный тюрбанъ, съ пурпуровою бахрамою, борлою, знакомъ его царственнаго званія. Кромѣ того тюрбанъ украшался еще двумя перьями рѣдкой птицы, водившейся только въ одной долинѣ. И простодушный перуанскій народъ

чистосердечно вѣрилъ, что въ цѣломъ свѣтѣ только и есть двѣ такія птицы, которыя снабжали инковъ своими перьями. Каждому новому царю-инкѣ подносились по два новыхъ пера.

Когда царь предпринималъ по странѣ путешествія, для личнаго удостовѣренія—благоденствуютъ ли его подданные,—его несли въ великолѣпныхъ носилкахъ. Носилки усыпаны были золотомъ и изумрудами. Люди, носившіе носилки, высылались отъ двухъ городовъ, существовавшихъ только для этого. Едва ли кто добивался великой чести носить инку, если только правда, что каждое споткновение наказывалось смертію. Когда инка приостанавливался, население окрестныхъ горъ сбѣгалось смотрѣть его; когда инка приподнималъ занавѣсы своихъ носилокъ, воздухъ оглашался радостными криками; когда инка двигался далѣе, дороги усыпались цвѣтами, и съ пути снимались не только камушки, но даже и соломенки.

Наружный видъ царскихъ чертоговъ не отличался великолѣпіемъ: сложены они были изъ камней грубой тѣски, а крыши, какъ часто въ знойныхъ странахъ, покрывались тростникомъ. Но за то внутренность была ослѣпительна. Любимѣйшимъ изъ мѣстопребываній царей-инковъ былъ дворецъ въ окрестностяхъ Куско. Онъ стоялъ въ восхитительной долинѣ, защищенной привѣтливими горными отрогами отъ дуновенія суроваго вѣтра; долину освѣжали журчащіе ручейки; рощи и цвѣтники распространяли благоуханіе. Здѣсь-то инки предавались всѣмъ наслажденіямъ пѣги; здѣсь купались они въ золотыхъ водоемахъ, наполнявшихся

кристальною струею чрезъ серебряныя трубы. Обширнѣйшіе сады представляли величайшее разнообразіе растеній и цвѣтовъ; но еще роскошнѣе и необыкновеннѣе казались искусственные цвѣтники — изъ золота и серебра. Говорятъ, въ особенности, объ индѣйской ржи, этомъ прекраснѣйшемъ изъ американскихъ растеній: съ дивнымъ искусствомъ выдѣланный золотой стебель виднѣлся между широкихъ серебряныхъ листьевъ и легкой колосъ изъ того же металла красиво колебался въ вершинѣ.

Внутренность вообще всѣхъ дворцовъ инкскихъ являлась во всемъ своемъ тщеславномъ блескѣ: стѣны щедро усажены были золотыми и серебряными украшениями; особыя ниши наполнялись изображеніями животныхъ и растеній изъ тѣхъ же металловъ; домашняя утварь, даже самая простая, тоже дѣлалась изъ золота и серебра. И всѣ эти украшения перемѣшаны были съ тончайшими и красивыми тканями, которыми даже не пренебрегли впоследствии сами испанскіе короли, обладатели всевозможныхъ сокровищъ Европы и Азіи.

Такими являлись цари-инки своимъ подданнымъ при своей жизни; такими же являлись они и по своей смерти. Никто изъ инковъ ничего не наследовалъ отъ своихъ предшественниковъ. По смерти каждаго инка дворцы его — такъ какъ были — забирались на вѣки. Новый государь запасался, всѣмъ нужнымъ для себя, съизнова.

Каждаго умершаго члена инкского племени, «призваннаго въ чертоги отца его Солнца», хоронили съ

великою пышностію. Тѣло пабальзамировывалось. Вмѣстѣ съ нимъ погребалось большое число дорогой посуды, а на могилѣ закалывались любимыя жены и слуги.

Тѣло инки-царя относилось въ великій храмъ Солнца, въ Куско. Новый государь могъ видѣть тамъ своихъ предшественниковъ—прародителей. Имъ овладѣвалъ невольный трепетъ, когда входилъ онъ въ храмъ: тамъ, на золотыхъ креслахъ, засѣдали царственные муміи—цари по правую, царицы по лѣвую руку отъ великаго золотого изображенія Солнца, сіявшаго на стѣнѣ храма. Тѣла одѣты были въ золотыя одежды. Голова каждого наклонена была къ низу; руки мирно были сложены на груди; цвѣтъ лица, смуглый, менѣе подверженный измѣненію, чѣмъ свѣтлый цвѣтъ европейцевъ; волосы черные какъ смоль, или посеребреныя годами — смотря по возрасту умершаго! Можно было подумать, что видишь передъ собою собраніе мошельщиковъ, погруженныхъ въ набожныя размышленія—такъ вѣрно сохранено было подобіе жизни!.. Одинъ изъ домовъ инки обыкновенно оставался открытымъ по его смерти; онъ былъ занимаемъ его тѣлохранителями и прислужниками, со всѣми принадлежностями царской жизни. Въ извѣстные праздники священныя тѣла государей выносились съ великою церемоніею на площадь. Начальники тѣлохранителей каждого инки разсылали приглашенія къ знатнымъ лицамъ и приготовляли угощеніе отъ имени своихъ усопшихъ владыкъ. Одинъ писатель говоритъ, что «при такихъ случаяхъ на большой площади Куско

видно было такое множество золотой и серебряной посуды и драгоценностей, какого не увидишь ни въ какомъ городѣ въ мірѣ.» За обѣдомъ, въ присутствіи царственнаго мертвеца соблюдали такой же строжайшій придворный этикетъ, какой соблюдался въ присутствіи живого инки.

Кромѣ царя-инки и его многочисленныхъ родственниковъ къ благородному классу причислялись еще *Кацики*—потомки тѣхъ князей, которые когда-то предводительствовали племенами, впоследствии покоренными. Впрочемъ, эти кацики пользовались только мѣстной властію, у себя дома. Высшее же начальство все таки вездѣ поручалось исключительно—инкамъ. Инки были и высшими военными, и высшими гражданскими, и высшими духовными лицами; однако они все-таки до такой степени зависѣли отъ самаго инки-царя, что безъ него не рѣшились бы предпринять какое либо важное дѣло. Съ другой стороны они помогали царю имѣть неограниченную власть надъ остальнымъ населеніемъ; и въ этомъ они успѣвали не только потому, что располагали всѣми силами и средствами государства, но также и потому, что всѣ получали образованіе, ставившее ихъ высоко надъ необразованнымъ народомъ. Этотъ же послѣдній былъ въ такомъ положеніи, что никакимъ образомъ не могъ дѣлаться живѣе.

Каждому простому перуанцу давался клочекъ земли. На этомъ клочкѣ онъ работалъ со своей семьей. Какъ бы ни былъ онъ прилеженъ и трудолюбивъ — онъ не смѣлъ и на волосъ увеличить своего состоянія. Кромѣ того, онъ не могъ переходить ни въ ка-

кое другое мѣсто; онъ, такъ сказать, былъ пригвожденъ къ своему участку, и дальше его ничего не видѣлъ. Перуанцевъ можно бы было сравнить съ стадами барановъ, которые щиплютъ траву, находящуюся прямо подъ ихъ ногами, и направляются лишь въ то мѣсто, куда гонить ихъ пастухъ.

Правительство не только распоряжалось поземельнымъ имуществомъ перуанцевъ и назначало границы его, но даже распоряжалось и одеждою своихъ подданныхъ: въ извѣстное время, въ извѣстныхъ мѣста и по приказу собирался народъ; загоняли викунъ и гуанаконъ въ нарочно устроенныя загородки; потомъ приступали къ стрижкѣ этихъ животныхъ; далѣе — вся шерсть сдавалась въ казенные магазины, и уже изъ нихъ получалъ каждый столько, сколько было потребно ему, чтобы сдѣлать себѣ одежду.... Точно такимъ же образомъ, по приказу, обрабатывало населеніе и государственныя земли. Прежде всего приступали къ обработкѣ полей, принадлежавшихъ Солнцу (т. е. посвященныхъ ревиگیи), потомъ — обрабатывали поля старыхъ, больныхъ, вдовъ, сиротъ, воиновъ, потомъ уже свои собственныя. Никто, правда, не нуждался въ Перу, за то все оставались дѣтьми. Наконецъ обрабатывали поля инки. Это производилось съ большою церемоніею и цѣлымъ населеніемъ. На разсвѣтъ дня, все окрестныя жители созывались — съ башенъ и съ вершинъ горъ; мужчины, женщины, дѣти — все выходили изъ домовъ своихъ, одѣтые въ лучшія платья, со всеми украшеніями. Работа сопровождалась пѣніемъ народныхъ балладъ, въ которыхъ восхвалялись подвиги

инки-царя. Движенія производились въ кадансъ, а всѣ работавшіе соединялись въ хоръ, въ которомъ припѣвомъ служило слово «hailli,» что значить: торжество. Впослѣдствіи, когда совершилось испанское завоеваніе, испанцы переложили многія изъ балладъ на ноты.... Несчастные туземцы съ грустнымъ наслажденіемъ внимали этимъ мелодіямъ, напоминавшимъ имъ родную старину.... Видно—завоеваніе не улучшило положенія народа!

Ко всему уже сказанному прибавимъ еще и то, что правительство назначало кому быть плотникомъ, кому каменщикомъ и пр. — Оно даже распорядилось браками—указывало кому на комъ жениться, кому выйти за кого замужъ!

И этотъ народъ, который воздвигъ дивныя постройки среди самой непокорной природы, который пересилилъ даже эту природу, этотъ народъ, двигавшійся, чувствовавшій и жившій по приказу, по разумѣру—не могъ быть сильнѣе слабаго дитяти. Если бы случилась какая либо бѣда съ самимъ инкою, этою головою перуанскаго туловища — все бы пошло прахомъ... Такъ и случилось, какъ мы увидимъ ниже: горсть испанцевъ вторглась въ самый центръ многолюднаго царства, захватила инку-царя и послѣ этого совершила завоеваніе съ изумительной быстротою: перуанцы не смѣли двинуться со своихъ мѣстъ; они ждали распоряженій царя, находившагося въ плѣну. Когда же одумались—было уже поздно: испанцы крѣпко засѣли въ странѣ.

Перейдемъ же теперь къ исторіи самаго завоеванія.

Около 1470 года, на паперти одной изъ церквей испанскаго города Трухильо былъ оставленъ маленькій младенецъ. Дитя, покинутое безо всякой помощи, своими жестокосердыми родителями, непременно должно было умерѣть отъ голоду и холоду. Однако ему е суждено было погибнуть; надъ нимъ сжалилась какая-то бродившая по городу свинья, и выкормила его своими сосцами.

Такъ рассказываетъ преданіе о первыхъ дняхъ жизни Франциска Пизарро, покорителя Перуанскаго царства. Пизарро былъ сынъ одного испанскаго полковника и какой-то нищей. Преданіе дало ему въ кормилицы свинью не совсѣмъ безъ основанія. Первоначальнымъ своимъ пропитаніемъ онъ обязанъ дѣйствительно животнымъ, только не одной свиньѣ, а цѣлому ихъ стаду: онъ былъ свинопасъ, и стало быть кормился отъ свиней. Среди такого-то занятія застали Пизарро великолѣпные слухи о новооткрытыхъ заокеанскихъ странахъ. Опостылѣли свиньи Пизарро. Онъ только и мечталъ о золотыхъ храмахъ Новаго Свѣта.... а между тѣмъ на родинѣ ему могла предстоять самая бѣдная будущность; онъ даже не умѣлъ ни читать, ни писать. Бросилъ онъ и родину, и свиней, и отправился за далекое синее море. Тамъ, за моремъ, онъ участвовалъ въ страшномъ переходѣ Бальбоа чрезъ горы, къ берегамъ Восточнаго Океана. Ему поручили завязать торговья сношенія съ туземцами. Собирая по сосѣднимъ островамъ крупинки золота да жемчугъ, онъ невольно устремлялъ свой задумчивый взглядъ вдоль береговой полосы, таинственно уходящей куда-то далеко, да-

леко подъ горизонтъ. Быть можетъ, еще тогда зашевелилась въ умѣ бѣднаго испанскаго искателя приключеній великая мысль проникнуть въ золотое царство молвы. Но пока все это были мечты, въ которыхъ и вѣрить-то приходилось какъ-то тайкомъ. А дѣйствительность была бѣдна и еще какъ бѣдна! По перенесеніи испанскій губернаторомъ столицы въ Панаму, Пизарро, въ чинѣ капитана, владѣлъ лишь нездоровою полосою земли! Тогда ему уже было пятьдесятъ лѣтъ! Пизарро... Пизарро!! того ли онъ ожидалъ себѣ? Стоило ли ѣздить за море, вынести страшные труды... для клочка дрянной земли? — Таково было положеніе Пизарровыхъ дѣлъ въ 1522 году, когда пришли новыя и болѣе точныя свѣдѣнія о богатствѣ страны, лежавшей впереди; въ это же время рассказы о подвигахъ Кортеса въ Мексикѣ произвели сильное впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ этихъ-то побудительныхъ причинъ, да еще своего труднаго положенія, взялся Пизарро за колоссально-трудное покореніе Перу. Въ Панамѣ онъ нашелъ себѣ помощниковъ въ лицѣ храбраго Альмагро, грубаго, прямодушнаго и вспыльчиваго солдата; въ де-Лукѣ, человѣкѣ рѣдкаго ума, съ большимъ знаніемъ свѣта и людей, да еще въ Эспинозѣ, помогшемъ предпріятію деньгами. Что касается испанскаго правительства въ Америкѣ — оно постоянно не доброжелательствовало дѣлу Пизарро; оно мѣшало дѣлу до той самой минуты, пока Пизарро не обратился прямо къ самому испанскому королю.

Снарядили два судна. Въ Ноябрь 1524 года Пизарро отплылъ изъ Панамской гавани. Альмагро дол-

женъ былъ послѣдовать за нимъ. Время года было самое неблагопріятное для плаванія; да и первоначальныя обстоятельства путешествія не только что не могли ободрить путниковъ, но, напротивъ, должны были привести ихъ въ крайнее уныніе. Только желѣзная воля самаго Пизарро и могла ни разу не поколебаться предъ разнообразными встрѣтившимися трудностями.

Въ первый разъ пристали испанцы къ берегу у рѣки Биры, откуда произошло слово «Перу», давшее имя всей странѣ. Но земля не представила собою ничего отраднaго; окрестности имѣли видъ обширнаго, топкаго болота; отъ проливныхъ дождей образовалось множество озеринъ стоячей воды. По краямъ печальнаго болота росъ столь густой лѣсъ, что пробраться чрезъ него едва было возможно. Испанцы преодолѣли это препятствіе и вышли на гористую мѣстность — ликую и утесистую. Тутъ они изранили себѣ до костей ноги; жаръ былъ нестерпимый: люди, одѣтые въ тяжелые панцири и толстые бумажные нагрудники, просто изнемогали.... Съ выходомъ въ море начались непрерывныя бури, оглушительныя громы и такіе ливни, которые только и бываютъ въ тропическихъ странахъ. Лишь страшными усиліями удалось спасти судно отъ гибели. Появился голодъ; съѣстные запасы почти всѣ вышли; въ день только и приходилось на человѣка по два колоса ржи. — Новая попытка пріютиться на берегу была опять неудачна. Опять низменная, болотная почва, опять непроницаемыя дремучіе лѣса! Обильныя ползучія растенія такъ и пере-

плетали толстые стволы гигантскихъ деревь, и составляли сѣть, раступавшуюся только подь топоромъ; почва, покрытая слоями упавшихъ листьевъ и пропитанная потоками дождей,—такъ и уходила изъ подь ногъ. И ничево не могло быть печальнѣе, унылѣ этоно страшнаго лѣса! Испаренія многочисленныхъ растеній отравляли воздухъ; всѣ животныя и птицы инстинктивно бѣжали изъ этого роковаго мѣста; и только насѣкомыя носились мириадами по лѣсу, сверкая, какъ искрами, своими разноцвѣтными крылышками. Неизмѣнное молчаніе царило вокругъ, нарушаясь лишь паденіемъ дождевыхъ капель, да шагами злополучныхъ странниковъ. Угрожала голодная смерть: только и были какія-то вредныя, неизвѣстныя ягоды. Испанцы громко роптали. Рѣшились отослать корабль въ Панаму—за подкрѣпленіями, а сами расположились, какъ могли. Трудно перечислить всѣ мученія, вынесенныя здѣсь скитальцами.... Кругомъ—стѣны лѣса, способнаго закрыть отъ глазъ даже цѣлый городъ; пища—ракушки, горькія почки пальмы, безвкусныя, вредныя травы; и, вдобавокъ, постоянные проливные дожди. Пизарро все дѣлалъ, чтобы только поддержать бодрость въ своихъ сотоварищахъ: всѣмъ дѣлился съ ними, выстроилъ для больныхъ шалаши, ухаживалъ за страдальцами. Онъ привязалъ къ себѣ своихъ подчиненныхъ своими самоотверженными поступками. Между тѣмъ, день проходилъ за днемъ, недѣля за недѣлею. Тщетно напрягали Испанцы свое зрѣніе, стараясь высмотрѣть на поверхности океана подобіе судна: не было видно ни пятнышка на водной синевѣ. Тоска

овладѣла всѣми.... Къ счастью, однажды, чрезъ рѣдину пролѣска, часовые увидѣли свѣтъ огня. Донесли объ этомъ Пизарро. Онъ догадался, что предстоитъ первая встрѣча съ туземцами; съ радостію схватился онъ за нее, надѣясь развлечь сотоварищей бѣдствій. Сквозь кучи хвороста и листьевъ Испанцы вышли на равнину, и ихъ глазамъ представилась индѣйская деревня. Робкіе жители разбѣжались. Съ жадностію принялись Испанцы обшаривать покинутыя хижины; нашли много маису, какао и довольно тяжеловѣсныя золотыя украшенія. Собрали также разныя извѣстія о золотомъ богатствѣ южныхъ странъ. Эти извѣстія, да прибывшее потомъ подкрѣпленіе изъ Панамы совершенно ободрили спутниковъ Пизарро; они двинулись впередъ съ прежнимъ жаромъ, съ прежнимъ легкомысліемъ.

У одного большого города, который укрѣпленъ былъ полисадомъ и въ которомъ опять таки найдены золотыя вещицы, подтверждавшія слухи о золотности страны, испанцамъ пришлось вступитъ въ сѣчу съ туземцами. Цѣлый отрядъ этихъ послѣднихъ выскочилъ изъ засады и огласилъ лѣсъ пронзительными криками. Тѣла дикарей были ярко раскрашены; полетѣли въ испанцевъ тучи стрѣлъ. Но Пизарро не смутился, и смѣло бросился впередъ. Однако онъ былъ раненъ, не смотря на панцырь, въ семи мѣстахъ. Пришлось отступать по скату холма. Пизарро было споткнулся и упалъ. Непрiятель испустилъ яростные крики торжества, думая, что предводитель убитъ. Нѣсколько храбрецовъ кинулись даже впередъ, надѣясь доканать Пизарро; по

Пизарро ловко повалилъ двухъ изъ нихъ, а тутъ подошли и прочіе Испанцы на выручку.

Между тѣмъ Альмагро также вышелъ изъ Панамы. Онъ, подобно Пизарро, имѣлъ стычку съ туземцами, въ которой лишился одного глаза.

Свиданіе обоихъ капитановъ было радостно; они оба уже успѣли собственною кровью запечатлѣть начало своихъ подвиговъ; они оба видѣли, что ихъ планы какъ будто уже начинаютъ осущестляться....

Въ 1526 году былъ заключенъ въ Панамѣ, куда прибылъ сначала Альмагро, а потомъ и Пизарро, договоръ между ими двумя и де-Лукомъ, касательно будущихъ завоеваній. Договоръ начинался призываніемъ Св. Троицы, и въ немъ съ такою паразитальною увѣренностію разсуждалось о дѣлѣхъ будущаго, еще даже неизвѣстнаго, царства, какъ будто дѣло шло о незначительномъ и вѣрномъ наслѣдствѣ. «Во имя начала мира», говоритъ историкъ, «они заключили договоръ, цѣлью котораго были грабительство и кровопролитіе.» Призывая Бога и святыхъ евангелистовъ, Пизарро и Альмагро клялись свято хранить заключенныя условія. Постороннія лица, присутствовавшія при церемоніи, растроганы были до слезъ.....

Вновь снаряженные для второй экспедиціи два корабля отданы были подъ управленіе Бартоломея Руица, опытнаго кормчаго. И это очень важно. Руицъ уже не толкся у береговъ, какъ это дѣлала въ первую экспедицію: зная, что у береговъ плаваніе го-

раздо опаснѣе и медленнѣе, чѣмъ въ открытомъ морѣ, онъ смѣло пустился въ океанъ; да и время для плаванія выбрано было удачно. Благополучно корабли приплыли къ рѣкѣ Св. Жуана и здѣсь рѣшились раздѣлиться: Пизарро долженъ былъ остаться на мѣстѣ — для осмотра края, Альмагро — ѣхать въ Панаму за новыми подкрѣпленіями, Руицъ — продолжать путь далѣе, съ цѣлью — изучить берега. Послѣдуемъ сначала за Руицомъ.

Руицъ не долго оставался въ виду берега; онъ пустился въ открытое море. Но едва проплылъ старій морякъ нѣкоторое разстояніе, какъ пораженъ былъ неожиданнымъ зрѣлищемъ: онъ очень хорошо зналъ, что туземцы не были мореходами, зналъ также, что и Европейцы еще не посѣщали водъ Тихаго океана, а между тѣмъ ясно видѣлъ передъ собою судно, которое съ широкимъ парусомъ своимъ тихо скользило по водной глади! Скоро его недоумѣніе разрѣшилось. Подойдя ближе, онъ разглядѣлъ, что то была индѣйская *бальза* — плоть изъ бревенъ легкаго, наздреватаго дерева; двѣ мачты, или, правильнѣе, два шеста, поддерживали широкій четырехугольный парусъ. Въ бальзѣ были индѣйцы — мужчины и женщины; они имѣли на себѣ золотыя и серебряныя украшенія. Но еще болѣе, чѣмъ эти драгоценности, привлекла къ себѣ вниманіе испанцевъ одежда нѣкоторыхъ туземцевъ: была она изъ нѣжной шерстяной ткани и пестрѣла вышитыми изображеніями животныхъ и птицъ. Нѣсколькихъ туземцевъ взяли на судно для обученія кастильскому языку. Руицъ — первый изъ Европейцевъ —

пересѣкъ экваторъ въ Тихомъ океанѣ, послѣ чего воротился туда, гдѣ находился Пизарро.

И давно была пора. Въ отсутствіе своихъ товарищей, Пизарро двинулся внутрь страны. Холмы возвышались надъ холмами, и, казалось, хотѣли достигнуть до колоссальнаго андійскаго хребта, оледенѣлые скаты котораго высоко рисовались надъ облаками въ видѣ стѣнъ изъ матоваго серебра, и, казалось, соединяли небо съ землею. — При переходахъ чрезъ лѣсныя возвышенности, скитальцамъ нерѣдко приходилось спускаться на дно долинъ страшной глубины, гдѣ испаренія сырой почвы смѣшивались съ благоуханіемъ цвѣтовъ, которые, даже при слабомъ свѣтѣ, сіяли всевозможнымъ разнообразіемъ отливовъ. Птицы, особенно попугаи, отличались тою же прихотливою пестротою. Обезьяны вертѣлись надъ головами, кривлялись предъ путниками, какъ какія нибудь злые духи пустыни; чудовищныя пресмыкающіяся извивались подъ ногами; попадался гигантскій боа, сжимавшій въ тяжелыхъ своихъ кольцахъ стволы деревьевъ. Алигаторы грѣлись на солнцѣ, или скрывались подъ водяною поверхностью озеринъ, готовясь схватить неосторожную жертву. Многіе испанцы погибли на пути. Голодь присоединился къ другимъ страданіямъ; отъ цѣлыхъ тучъ москитовъ, путники нерѣдко зарывались въ песокъ по самое лицо.

Въ это самое время прибылъ Руицъ, а за нимъ и Альмагро съ подкрѣпленіемъ и съѣстными припасами. Хотя благопріятное для плаванія время уже миновало, однако все-таки двинулись впередъ. Въ заливѣ Св.

Матоея мореплаватели поражены были роскошнымъ видомъ береговъ. и признаками просвѣщенія. Прибрежныя низменности уже не были покрыты, какъ прежде, манговыми деревьями, которые своими корнями переплетаются далеко подъ водой; нѣтъ — онѣ покрыты были великолѣпнымъ лѣсомъ эбеновыхъ, красныхъ и др. деревь. Сандальное дерево и разныя бальзамическія растенія далеко распространяли ароматы, разносимые здоровыми и легкими дуновеніями вѣтра. Попадались широкія полосы обработанной земли: ска-ты холмовъ покрыты были маисомъ и картофелемъ, низменности—цвѣтущими плантаціями какао. Селенія сдѣлались болѣе многочисленными. Въ виду города Такамеца бросили якорь; тутъ видѣли много людей съ богатыми украшеніями изъ золота и дорогихъ камней, а въ лодкахъ, выплывшихъ на встрѣчу, было большое число воиновъ въ золотыхъ шлемахъ. Вообще въ Перу драгоцѣнности имѣли право надѣвать на себя только члены инкского племени, или же имени-тые люди, получившіе украшенія отъ самихъ инковъ царей; поэтому видѣнное въ Такамецѣ казалось бы страннымъ, если не вспомнить, что Такамецъ лежалъ не собственно въ Перу, а въ Квито: Квито недавно было присоединено къ инскимъ владѣніямъ, и въ немъ, по всей вѣроятности, еще удержались туземные, мѣстные права. — Всѣ богатства, попавшіяся испанцамъ на глаза, должны были сильно разжечь ихъ алчность; богатства эти служили приманкою; испанцы, и безъ того уже роптавшіе, непременно бы взбунтовались. У Такамеца видѣли съ корабля гроз-

ный отрядъ, маневрировавшій на берегу; однако испанцы не побоялись войти. Туземцы стали было тѣснить пришельцевъ; однако послѣднихъ спасло незначительное обстоятельство: одинъ всадникъ упалъ съ лошади (а надо сказать—лошади не были извѣстны до сихъ поръ въ Америкѣ); это сильно устрашило индѣйцевъ: они думали, что всадникъ съ лошадыю составляли, подобно кентавру, одно цѣлое и когда воображаемое животное раздѣлилось на два, это призвело паническій ужасъ. Пизарро могъ свободно отступить. Но оступивъ, наши Европейцы не были спокойны; на нихъ навело ужасъ зрѣлище страны, съ каждымъ часомъ казавшейся все населенѣе, все богаче! Собрали военный совѣтъ. Нѣкоторые заговорили было, что слѣдуетъ вовсе оставить предпріятіе—какъ невозможное. Но тутъ возвысилъ голосъ Альмагро: « Возвратиться домой, ничего не сдѣлавъ », сказалъ онъ, « значитъ разориться въ пухъ и обезчестить себя; у каждаго есть заимодавцы въ Панамѣ. Единственное средство выпутаться изъ стѣсненнаго положенія—идти далѣе ». Такъ и рѣшили; но рѣшили также, что невозможно продолжать предпріятія съ горстью людей; ѣхать въ Панаму за подкрѣпленіемъ было настоятельною необходимостью. Но кому ѣхать? Пизарро такъ надоѣло скитаться по лѣсамъ, да болотамъ, среди опасностей, что ему хотѣлось отдохнуть на другихъ дѣлахъ, и онъ отвѣчалъ на слова Альмагро: « Тебѣ хорошо! ты проводишь весело себѣ время! катаешься взадъ и впередъ; живешь въ Панамѣ въ изобиліи! А каково тѣмъ, кто постоянно остается на мѣстѣ, чтобы страдать и умирать съ голоду въ

пустынь?» — Альмагро отвѣчалъ на это съ жаромъ, ссора мало по малу разгорѣлась, и оба испанскіе капитана схватились за мечи. Кое-какъ примирили поссорившихся и рѣшено было ѣхать Альмагро. Пизарро пріютился на маленькомъ, дикомъ, островкѣ Галло. — Сильно роптали оставшіеся; ихъ не могли даже успокоить, правда хоть еще недосыгаемая, но за то уже видѣнныя золотыя сокровища; написаны были письма въ Панаму, наполненныя жалобами на бѣдственное положеніе; письма перехватили; проскользнуло только одно, искусно завернутое въ клубокъ туземной шерсти, посланной женой губернатора, какъ обращикъ. Письмо было въ стихахъ:

«Берегитесь, синьоръ губернаторъ, пастуха, который у васъ: онъ пришелъ искать овецъ для мясника, который у насъ».

Но и этого письма было довольно, чтобы произвести самое непріятное впечатлѣніе, какъ на панамцевъ вообще, такъ и на губернатора, и безъ того враждебно смотрѣвшаго на Пизарро и Альмагро..... Губернаторъ послалъ приказаніе Пизарро бросить все и немедленно возвратиться, въ то самое время, когда Пизарро отослалъ въ Панаму и свой второй, послѣдній, корабль за подкрѣпленіями.

Теперь для Пизарро наступило самое тяжкое изъ испытаній, какія только выдержалъ онъ во время своихъ—такъ сказать—вступительныхъ экспедицій. Не перенеси испытанія Пизарро—имя его затерялось бы въ пыли прошедшихъ вѣковъ.

По отъздѣ Альмагро, ливни, голодъ, холодъ свирѣпствовали на островѣ Галло. Только и питались, что дикими яблоками да ракушками; только и думали, какъ бы поскорѣе покинуть проклятый островъ и отправиться въ Панаму... А тутъ еще прѣѣхали два корабля не только безъ Альмагро и подкрѣпленія, но еще съ повелѣніемъ—воротиться.

Все дрогнуло.

Молча Пизарро обнажилъ мечъ свой, и молча же провель по острову черту—отъ востока къ западу.

«Братья и товарищи!» сказалъ онъ, «на одной сторонѣ черты лежатъ—Панама и бѣдность; на другой—Перу со своими богатствами. Пускай каждый избираетъ себѣ, что наиболѣе придется по-сердцу храброму Кастильцу. Что касается меня—я иду на Югъ.» И съ этими словами онъ перешель черту. За нимъ послѣдовали: Руицъ, Педро-де-Кандія и еще одиннадцать человѣкъ. Они обрекали себя одиночеству на дикомъ, голомъ островѣ, не имѣя не припасовъ, ни даже корабля! Вся ихъ надежда была вотъ какая: быть можетъ, товарищамъ Альмагро и Лука удастся на переборъ всей Панамѣ прислать помощь... Колоссальный героизмъ!! «Слава,» говоритъ восторженный лѣтописецъ, «сохранила въ народной памяти эти немногія имена людей, которые, имѣя передъ собою неслыханныя препятствія, рѣшились не покидать своего вождя и постоянствомъ своимъ представить образецъ вѣрности» Горсти храбрецовъ отказано было даже въ корабль. И вотъ, оставшись на пустой скалѣ, окруженной волнами, принялись они стряпать плоть

для переѣзда на сосѣдній островъ Горгону; тамъ по крайней мѣрѣ водились кролики и фазаны, и были ключи свѣжей воды.

Конечно, единственнымъ развлеченіемъ пустынниковъ, по переѣздѣ ихъ на Горгону, было—смотрѣть на горизонтъ океана, да ждать появленія судна. Появлялась точка — и все приходило въ движеніе. Точка росла, и вотъ оказывалось, что это—или куча морской травы, или плывущія бревна. И снова мрачное, молчаливое разочарованіе. Когда, черезъ шесть мѣсяцевъ, показался дѣйствительно парусъ — испанцы не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ. Альмагро и Лукъ не забыли товаришей: они прислали корабль подъ начальствомъ добраго Руица. Пизарро, слѣдуя показаніямъ индѣйцевъ, направился прямо къ Тумбецу, обширному городу, лежавшему уже въ самыхъ предѣлахъ Перу. Черезъ 20 дней плаванія вступили въ прекрасный Гуаяквильскій заливъ. Весь берегъ устья былъ городами и деревнями, хотя колоссальный Андскій хребетъ, круто поднимаясь отъ самаго берега, образовывалъ только лишь узкую полосу изумрудной зелени, на которой извивались многочисленные ручейки, распространяя вокругъ себя плодородіе.

Когда пришли къ Тумбецу, жители толпами сбѣжались смотрѣть на *плавающій замокъ*, медленно покачивавшійся на поверхности воды. О появленіи этого замка не замедлили донести окружному кацiku, и тотъ тотчасъ же отправилъ къ кораблю нѣсколько бальтъ, нагруженныхъ бананами, рожью, картофелемъ, еловыми шишками, кокосовыми орѣхами, дичью, рыбою;

прислали испанцамъ въ подарокъ также нѣсколько ламъ. — Въ то время проживалъ случайно въ Тумбецѣ благородный инка. Онъ пріѣхалъ на корабль; Пизарро принялъ его съ особенными почестями. Конечно, испанецъ не замедлилъ начать со своимъ индѣйскимъ гостемъ разговоръ о могуществѣ своего государя; о томъ, что государь этотъ прислалъ взять индѣйцевъ въ свое подданство, а также извлечь ихъ изъ тьмы невѣрія. Далѣе Пизарро говорилъ о христіанствѣ. Инка выслушалъ все молча и съ глубокимъ вниманіемъ, но ни полусловомъ не обнаружилъ того, что работалось въ его мысляхъ. При прощаньѣ онъ учтиво пригласилъ Пизарро посѣтить Тумбецъ. На слѣдующій день отправили на берегъ одного испанца. Случайно съ испанцемъ былъ негръ. Трудно предствить себѣ, какое глубокое изумленіе произвели на красныхъ перуанцевъ эти два новые, невиданные человѣка — бѣлый и черный. Негръ постоянно улыбался, и постоянно обнаруживалъ рядъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ; это забавляло туземцевъ; они пробовали смѣть ему его черный цвѣтъ кожи. Были привезены испанцемъ также куры и свиньи — животныя дотолѣ, подобно лошадямъ, неизвѣстныя въ Перу. Когда заплъ пѣтухъ, туземцы съ изумленіемъ спрашивали: «что говорить птица?» Однимъ словомъ — индѣйскіе умы рѣшительно сбиты были съ толку. Это бываетъ всегда такъ, когда на человѣка хлынетъ масса впечатлѣній, которыхъ онъ никогда и не подозрѣвалъ. Что касается испанцевъ, то и они были не менѣе индѣйцевъ поражены: ихъ товарищъ, побывавшій на берегу, рассказалъ просто

чудеса, какъ объ убранствѣ дома кацика, наполненнаго золотомъ и серебромъ, такъ о богатствѣ Тумбецкаго храма.

Пизарро хотѣлъ повѣрить описанія, показавшіяся ему недостовѣрными, и послалъ въ Тумбець человѣка болѣе хладнокровнаго, именно Кандію. Кандія одѣлся, какъ прилично доброму рыцарю, въ кольчугу, привѣсилъ мечъ къ бедру, перекинулъ черезъ плечо пищаль. Солнце сіяло на его латахъ и оружіи; онъ плѣнилъ своимъ видомъ туземцевъ. Они просили его «заставить пищаль поговорить съ ними!» Кандія поставилъ доску вмѣсто цѣли, приложился и выстрѣлилъ. Вспышка пороха, громъ выстрѣла, наконецъ, доска, разщепленная пулею,— все это ужаснуло туземцевъ; нѣкоторые упали на землю, закрывъ лицо руками, другіе съ трепетомъ приблизились къ кавалеру. Однако, видя на его лицѣ привѣтливую улыбку, они скоро пришли въ себя. Кандія, воротившись на судно, подтвердилъ рассказы своего предшественника. По словамъ Кандіи, храмъ былъ буквально заваленъ золотомъ и серебромъ. Кандія описывалъ также сады перуанскаго монастыря, находившагося при храмѣ: эти сады сіяли золотыми изображеніями плодовъ и растеній!

Когда Пизарро плылъ далѣе къ югу, онъ и его спутники всюду привлекали на себя общее вниманіе: Индѣйцы жаждали посмотреть на «сыновъ Солнца»: такъ стали они называть испанцевъ за ихъ бѣлый цвѣтъ кожи. И кто знаетъ? Быть можетъ, это сходство съ прародителями инковъ «свѣтлыми Манко и Мамою—Оэлло—Гуако» было хотя косвенною причиною той

легкости, съ какою испанцы завоевали Перу. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что индѣйцы смотрѣли на испанцевъ не безъ религіознаго страха. Вездѣ, по пути, путники видѣли замѣчательныя постройки изъ неотесаннаго камня, отлично обработанныя поля; вездѣ слышали просто чудеса о богатствѣ и великолѣпіи Куско, столицы Перуанской монархіи. Достигнувъ 9° ю. ш., испанцы повернули назадъ, на сѣверъ. На этомъ обратномъ пути Пизарро сдѣлалъ весьма интересное знакомство. Въ одномъ мѣстѣ пріѣхала къ нему въ гости, на судно, индѣйская принцесса. Она упрашивала испанскаго капитана отдать ей визитъ, и въ знакъ того, что испанцевъ ждетъ на берегу только одно доброе, предлагала оставить на суднѣ заложниковъ. Пизарро принялъ ея предложеніе, присовокупивъ, что не сомнѣвается въ ея чистосердечіи. Предупредительность индѣйской дамы конечно сдѣлала бы честь любому образованному Европейцу. На берегу Пизарро нашелъ самое ласковое гостепрѣимство. Къ его пріему сдѣлали такія приготовленія, которыя обнаруживали и радушное гостепрѣимство со стороны хозяйки, и притязанія на вкусъ. Устроены были бесѣдки изъ густыхъ вѣтвей, перемѣшанныя съ благоухающими цвѣтами; поданъ былъ обѣдъ изъ мяса, приготовленныхъ по правиламъ перуанской кухни, изъ фруктовъ и вкусныхъ растений. По окончаніи обѣда, гостей развлекали музыкой и плясками молодыхъ людей и дѣвушекъ. Танцовашіе юноши и дѣвушки отличались простотою одежды и ловкостію и граціею движеній. Какже отплатилъ европеецъ простодушной индіанкѣ за ея радушіе и ласку? Онъ передъ

отъѣздомъ развернулъ кастильское знамя, говорилъ окружившимъ его туземцамъ, что пріѣхалъ взять ихъ въ подданство кастильскому королю и, пользуясь ихъ неопытною, предложилъ имъ собственноручно водружить знамя въ ихъ родную почву. Туземцы, сами не понимая того, что дѣлали, съ весельемъ и съ смѣхомъ исполнили легкое требованіе испанца.... Они не подозрѣвали, что водружая знамя, тѣмъ самымъ отдавались во власть чужеземцевъ. Теперь, когда загадочное царство уже не было какимъ-то заманчивымъ, гадательнымъ призракомъ; теперь, когда оно возстало на яву во всемъ своемъ золотомъ блескѣ,—теперь уже невозможно было отступить въ нерѣшительности. Надо было взять его съ бою или погибнуть въ трудномъ завоеваніи.... Наставалъ часъ торжества—съ трудомъ и медленно достигнутаго!..

Однакоже и теперь еще испанское правительство въ Америкѣ, понимая всю трудность достиженія цѣли, не только не готовилось помочь Пизарро и Альмагро, но прямо смотрѣло на нихъ, какъ на искателей приключеній. Уговаривать испанскаго губернатора было бы напраснымъ трудомъ.... Надо было обратиться къ самому Кастильскому государю: надо было представить ему собранныя съ трудомъ и по крупинкамъ богатства; пусть онъ самъ убѣдится въ великости затѣвимаго предпріятія. Но чтобы преклонить на свою сторону короля, слѣдовало непременно кого нибуть изъ самихъ же дѣятелей послать ко двору. Кого же? Де-Лукъ имѣлъ много обязанностей въ Пачамѣ; послать его было бы неудобно.... О грубомъ солдатѣ Альмагро

нечего было и думать: всегда угловатый, подчас высокопарный и тщеславный, наконец кривой, малорослый и безобразный наружностью, — онъ просто затерялся бы при великолѣнномъ кастильскомъ дворѣ... онъ, а слѣдовательно и дѣло, представителемъ котораго онъ долженъ былъ служить, пропали бы безвозвратно. Кто же могъ лучше исполнить трудное порученіе, какъ не великолѣпный, вкрадчивый и краснорѣчивый Пизарро? Хладнокровный политикъ, Пизарро съумѣлъ бы прежде всего живописнымъ и блестящимъ описаніемъ претерпѣнныхъ страданій расположить дворъ въ свою пользу, и возбудить къ себѣ и своимъ товарищамъ безпредѣльное удивленіе и состраданіе. А завоевавъ разъ сердца, умному Пизарро не трудно было бы уже сладить съ умами. Стоило только тѣми же яркими красками описать всю великость предпріятія, всѣ его выгоды.... А на это Пизарро былъ также великій мастеръ! Какое бы ни чувствовали недоувѣріе къ Пизарро товарищи, а безъ него все-таки нельзя было обойтись. Даровитость, какого бы она рода ни была, всегда съумѣетъ сдѣлать себя необходимою, неизбѣжною.... Итакъ, рѣшили послать Пизарро. Собрали денегъ, и весною 1528 года онъ отправился.

Въ томъ же году, лѣтомъ, Пизарро достигъ Севильи. Но тутъ его неожиданно встрѣтили новыя испытанія. Въ Севильѣ наткнулся онъ на своего кредитора, имѣвшаго много должниковъ между колонистами новаго свѣта. Пизарро посадили въ тюрьму. Вотъ гдѣ очутился онъ послѣ двадцатилѣтняго отсутствія изъ отечества, послѣ двадцатилѣтнихъ страданій, всевозможныхъ

приключеній и страствій! Однако, это происшествіе скоро стало извѣстно и привело всѣхъ въ негодованіе. Узналъ о немъ и самъ Императоръ Карлъ V, обладатель испанскаго трона. Карла V не могла не заинтересовать вѣсть о чловѣкѣ, привезшемъ извѣстія о золотомъ царствѣ. Карлъ находился именно въ такомъ положеніи, что жаждалъ золота. Недовольный своими обширными наслѣдственными владѣніями, «въ которыхъ никогда не заходило солнце», онъ тратилъ всѣ свои громадныя средства на созданіе всеобщей католической имперіи, въ которой бы онъ былъ единственнымъ главою; для всесвѣтной имперіи нужны были завоеванія, а для этихъ послѣднихъ—деньги.... Карлъ велѣлъ немедленно освободить Пизарро и представить его ко двору. Пизарро рассыпалъ передъ изумленнымъ Императоромъ всѣ богатства, собранныя въ Перу: и тонкія узорныя ткани, выдѣланыя изъ мохнатой шерсти, и образцы золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, и любопытную ламу. Особенно привлекала къ себѣ вниманіе умнаго монарха—лама; Карлъ понялъ, какое сокровище для новаго свѣта это единственное вьючное туземное животное, этотъ источникъ шерсти для выдѣлки чудныхъ тканей.

Велъ себя Пизарро съ величайшимъ тактомъ; онъ не потерялся въ присутствіи двора: онъ явился съ тѣмъ приличіемъ и важностію, которыя свойственны кастильцу, говорилъ просто и почтительно, выразительно и краснорѣчиво. Когда онъ въ своемъ разсказѣ дошелъ до того мѣста, гдѣ пришлось описать пребываніе на пустынномъ островѣ, гдѣ онъ былъ предо-

ставленъ правительствомъ на производъ судьбы и покинуть всѣми, кромѣ горсти вѣрныхъ сообщниковъ, — то у Карла невернулись слезы.

Дѣло Пизарро милостиво было отдано на разсмотрѣніе Индѣйскаго Совѣта.... И на Пизарро посыпались милости.... Скажемъ коротко, что ему предоставлено было право открыть и завоевать Перу, названное Новою Кастиліею. Кромѣ того, Пизарро даны почти всѣ права, присвоенныя важному званію вице-короля. А что же выхлопоталъ возвеличенный Пизарро для Альмагро, товарища своихъ трудовъ и открытій? званіе коменданта крѣпости Тумбеца; между прочимъ для Лука выхлопотано было мѣсто епископа въ томъ же городѣ. Руицъ получилъ титулъ великаго кормчаго Южнаго океана, Кандія назначенъ начальникомъ артиллеріи. Конечно, Лукъ напр. получилъ то, что ему и было обѣщано; но Альмагро ждалъ большаго; онъ надѣялся сдѣлаться вторымъ послѣ Пизарро, а вышло такъ, что всѣ должности по общему управленію сосредоточились въ лицѣ Пизарро.

Въ Январѣ 1530 г. Пизарро отправился въ Новый Свѣтъ. Онъ взялъ съ собою своихъ четверыхъ братьевъ. Всѣ они, по словамъ историка, «были бѣдны и горды столько же, сколько бѣдны; корыстолюбіе ихъ также ровнялось ихъ бѣдности». Историкъ останавливается на одномъ изъ братьевъ Франциска Пизарро — Гернандо; этотъ человекъ долженъ быть хотя вкратцѣ обрисованъ: онъ имѣлъ большое вліяніе на вице-короля Перу. Правъ его сложился изъ всѣхъ дурныхъ сторонъ кастильскаго характера: чрезвычайная завистли-

вость и непомерное тщеславіе, которымъ онъ болѣе колеблющихся, — вотъ два, отличительныя его свойства. Онъ не любилъ останавливаться на полумѣрахъ; былъ рѣшителенъ; былъ неукротимъ въ гнѣвѣ. Такой человѣкъ конечно не могъ оказывать благотворнаго вліянія на брата.

Альмагро и Лукъ горѣли нетерпѣніемъ увидѣться съ Францискомъ Пизарро. Они переѣхали горы, на встрѣчу ему. Можно себѣ представить, до какой степени былъ не доволенъ Альмагро, узнавъ о вѣроломствѣ своего товарища, передъ отъѣздомъ честию обѣщавшагося дѣйствовать въ пользу своихъ сподвижниковъ? «Такъ-то, кричалъ въ пылу негодованія простодушный и честный Альмагро: — такъ-то поступилъ ты съ другомъ, который дѣлилъ съ тобою всѣ труды, опасности и издержки предпріятія! передъ отъѣздомъ ты торжественно обѣщалъ блюсти выгоды своего друга, также, какъ свои собственныя... Какъ могъ ты рѣшиться унизить меня въ глазахъ свѣта такимъ ничтожнымъ вознагражденіемъ? Можно подумать, что я ничего не дѣлалъ въ сравненія съ тобою!».

Увертливый Пизарро увѣрялъ товарища, что само правительство распорядилось такимъ образомъ, чтобы сосредоточить власть въ однѣхъ рукахъ: это необходимо было для единства и гармоніи въ управленіи страной. Но эти медоточивыя рѣчи не могли успокоить обиженнаго. Оба капитана возвратились въ Панаму, если не съ чувствомъ вражды, то по крайней мѣрѣ съ чувствомъ взаимной холодности. Однако честный Альмагро вѣроятно скоро бы удовлетворился политическими уступками

своего врага, если бы не вмѣшался въ дѣло Гернандо Пизарро: этотъ послѣдній съ самой первой встрѣчи оказывалъ неуваженіе заслуженному ветерану. Друзья Альмагро, съ трудомъ проглотившіе вѣроломство Франциска Пизарро, рѣшительно роптали на оскорбленія, наносимыя родственниками вице-короля, пріѣхавшими откармливаться пріобрѣтешями. Лукъ и Эспиноза съ трудомъ замяли ссору. Но глубокая рана затянулась только слегка.

Новую экспедицію не легко было начать. Охотниковъ не было, не смотря на золотую приманку. Набрали разныхъ бродягъ. Хоть и небольшой составилъ отрядъ, однако все-таки онъ превосходилъ своимъ устройствомъ и вооруженіемъ всё предидущіе: было сто восемьдесятъ человекъ и 27 лошадей. Предъ отплытіемъ отслужили обѣдню, причастили всѣхъ Св. Тайнъ. Альмагро остался въ Панамѣ, для подготовленія новыхъ подкрѣпленій, а Пизарро пустился въ путь въ январѣ 1531 г. Высадился онъ въ заливѣ Св. Матвѣя (подъ 1° сѣв. шир.) На сушѣ встрѣтились прежнія препятствія. Пизарро всѣхъ ободрялъ своею веселостію и своимъ мужествомъ. Наконецъ достигли одной многочелюдной деревни. Жители разбѣжались. «Мы», говоритъ одинъ изъ соучастниковъ, «бросились прямо впередъ съ мечемъ въ рукахъ, потому что, если бы Индѣйцы провѣдали о нашемъ приближеніи, мы никогда не въ состояніи были бы найти такого множества золота и драгоценныхъ камней, какое нашли». По словамъ же другого писателя, добыча досталась легко вовсе не потому, чтобы жителей накрыли врасплохъ, а просто

потому, что, основываясь на доброй молвѣ объ испанцахъ, жители встрѣтили ихъ доврчиво. Добыча была дѣйствительно огромная: множество золота и серебра въ грубо отдѣланныхъ украшеніяхъ, много и драгоценныхъ камней, особенно изумрудовъ. Одинъ изъ нихъ, попавшійся въ руки Пизарро, было величиною въ голубиное яйцо! Грубые испанцы не знали настоящей цѣны камню. Говорятъ, что одинъ изъ доминиканскихъ миссіонеровъ присовѣтовалъ попробовать находку молотомъ, говоря, что если камень настоящей изумрудъ, то отъ ударовъ не разобьется. Стали пробовать изумрудъ и разбили его въ куски. Золотыя и серебряныя украшенія всѣ сложены были въ кучу. Большое количество ихъ отослано было въ Панаму, чтобы видѣ сокровища увлекъ колебавшихся. Одинъ изъ завоевателей набожно восклицаетъ: «Всевышнему угодно было даровать вамъ такія сокровища для того, чтобы возбудить доврїе въ народъ и привлечь его подъ наши знамена».

Чѣмъ далѣе углублялись въ страну испанцы, тѣмъ тяжеле становился путь. Дорога пересѣкалась чаще и чаще полосами песку: вѣтеръ засыпалъ глаза, а зыбучесть песка страшно утомляла ходьбу людей и животныхъ: свѣтъ былъ ослѣпительный, лучи солнца разгорячали кольчуги и нагрудники. Ко всему этому появилась эпидемія, не щадившая ни туземцевъ, ни бѣлыхъ; прекратилась она только съ окончаніемъ войны.

Испанцы на пути мало встрѣчали жителей: всѣ разбѣгались въ лѣса и горы. На бѣлыхъ уже не смотрѣли какъ на добрыхъ гешіевъ: разграбленіе богатой де-

ревни было хорошимъ предостереженіемъ. Теперь бѣлые представлялись, какъ неуязвимые для индѣйца, безчеловѣчные грабители, которые носятся быстрѣе вѣтра на хребтахъ свирѣпныхъ звѣрей (лошадей), держа въ рукахъ оружіе, мещущее вокругъ себя огонь и гибель.

Когда къ Пизарро присоединилось подрѣвленное изъ Панамы, онъ рѣшилъ слѣдовать по берегу Гуаяквильскаго залива до Тумбеца. Тутъ предполагалось утвердиться на островѣ Пунѣ, и оттуда уже овладѣть Тумбецомъ: по мнѣнію Пизарро, ключемъ къ завоеванію Перу. Жители Пуны, предводимые своимъ кацикомъ, встрѣтили испанцевъ дружелюбно. Однако тумбецкіе переводчики предостерегали Пизарро, говоря о вѣроломствѣ Пунянъ. Послѣдніе казались слишкомъ чистосердечны, чтобы подозрѣвать ихъ въ вѣроломствѣ, и испанцы безъ большихъ колебаній переѣхали на островъ. И что за чудная природа встрѣтила тутъ высадившихся: большіе участки цвѣли засѣвами какао, сладкаго картофеля и другихъ тропическихъ растеній. Обработка земли ясно говорила о трудолюбіи и земледѣльческой опытности островитянъ, людей въ то же время всинственныхъ и прозванныхъ Перуанцами «коварнымъ племенемъ». — Вскорѣ испанскій предводитель узналъ о сходбицѣ туземныхъ старшинъ, затѣвавшихъ возстаніе. Онъ не долго задумался надъ тѣмъ, какъ бы предупредить взрывъ: захватилъ подозрительныхъ лицъ да и умертвилъ ихъ. Жители Пуны съ яростію схватились за оружіе. Но, что значили ихъ худо прикрытыя цвѣтныя тѣла противъ испанцевъ, закованныхъ въ сталь? Испанскій мечъ скоро прину-

диль туземцевъ бѣжать въ глушь лѣсовъ и горъ. — Хотя у испанцевъ и былъ тяжело раненъ Гернандо Пизарро, однако потеря ихъ была незначительна; такое счастье они объясняли небеснымъ заступничествомъ: «во время боя» говорили они, «надъ нами носился Архангелъ Михаиль; онъ помогалъ намъ и отражалъ нашихъ враговъ.»

Впрочемъ, борьба съ пуныями не кончилась одной общей свалкой. Пуныя стали выходить въ темныя ночи изъ лѣсныхъ чащъ; они отрѣзывали отдѣльные отряды, истребляли запасы: однимъ словомъ—держали испанцевъ въ постоянномъ страхѣ. Изъ этого-то труднаго, напряженнаго состоянія вывело испанцевъ новое бодрое подкрѣпленіе, прибывшее изъ Панамы подъ начальствомъ Гернандо-де-Сото, славнаго открытіемъ рѣки Миссисиппи.... И мало того, что положеніе испанцевъ облегчилось, — они даже могли теперь предпринять вторженіе внутрь перуанской страны.

При этомъ вторженіи, какъ мы видѣли, помогли имъ нѣкоторыя преимущества передъ туземцами; именно: туземцы были народъ разрозненный, неэпергическій; туземцы, благодаря свѣтлой кожѣ испанцевъ, смотрѣли на этихъ послѣднихъ, какъ на подобіе «дѣтей бога-солнца,» стало быть, не безъ религіознаго трепета; наконецъ, у испанцевъ было оружіе и вооруженіе, несравненно лучшее, чѣмъ у туземцевъ. Теперь, вступая въ Перу, испанцы услышали о такихъ обстоятельствахъ, которыя опять-таки были благоприятны имъ.

По собранымъ слухамъ оказалось, что не очень давно обнаружилась вражда внутри самаго инкского племени. Эта вражда еще продолжалась. Если бы испанцы сдѣлались союзниками одной изъ враждовавшихъ царственныхъ сторонъ, они тѣмъ самымъ перестали бы быть чужеземцами въ странѣ, они стали бы тамъ необходимыми лицами, хозяевами... а потомъ, утвердившись,—и господами! Да, новые слухи были для нихъ слухами высокой важности.

(Продолженіе въ слѣд. Лѣ).

РУОЬ И ЕЯ ДРУЗЬЯ.

(съ англійскаго).

(окончаніе).

XX.

Прогулка по морю, такъ несчастно окончившаяся, не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій. Только Вальтеръ въ продолженіи нѣсколькихъ дней чувствовалъ себя слабѣе обыкновеннаго и страдалъ головою болью. Однажды послѣ обѣда онъ спалъ на диванѣ въ гостиной. Леди Дугласъ и Теда не было дома. Дунканъ и Руоь сидѣли у окна и разговаривали шепотомъ, чтобъ не разбудить Вальтера.

— Руоь, у тебя очень много присутствія духа, говорилъ онъ. Ты скорѣе наслаждалась бурей, нежели боялась ея, и мнѣ кажется страннымъ, почему ты обо мнѣ гораздо менѣе беспокоилась, нежели я о тебѣ?

«Сначала мнѣ было очень страшно, Дунканъ, но потомъ я успокоилась.»

— Почему?

«Я вспомнила, что мы были не одни.... Но что случилось бы съ нами безъ твоей силы и твоего присутствія духа? Никто другой не могъ бы перескочить съ Вальтеромъ черезъ это ужасное мѣсто.»

— Однако все это было скорѣе слѣдствіемъ трусости, нежели мужества. Когда я отдалъ тебя Дикку и онъ уговаривалъ меня идти съ тобой, я готовъ былъ уступить ему. Мнѣ помѣшалъ единственно страхъ того, что скажетъ леди Дугласъ, если я спасу мою собственную сестру и допущу погибнуть ея сыновей.

«О, Дунканъ, какъ я рада, что ты не послушался Дика!»

— И я тоже. Я потомъ удостовѣрился, что онъ никакъ не могъ бы спасти Вальтера. Да и самъ я сомнѣвался, буду ли въ состояніи еще разъ перескочить на большую скалу съ такой тяжелой ношей.

«Когда ты меня несъ, Дунканъ, я думала только объ одномъ: если я потону, то никто никогда ничего не узнаетъ о сочиненіи. Не странно ли, что такой вздоръ могъ меня занимать въ такую минуту?»

— Это только доказываетъ, какъ тебя тяготитъ несправедливое обвиненіе твоихъ подругъ, моя бѣдная маленькая Руоъ! Но я надѣюсь, теперь ты скоро будешь оправдана. Не имѣешь ли ты какихъ нибудь извѣстій о Магги?

«Миссъ Лонгъ, въ своемъ послѣднемъ письмѣ, мнѣ ничего о ней не говорить. Но я знаю, что она по-

ѣхала къ морю и можетъ не возвратиться къ началу полугодія. Я постараюсь, Дунканъ, болѣе объ этомъ не думать. Когда ты уѣзжаешь?»

— Черезъ двѣ недѣли, но я долженъ провести нѣсколько дней въ Лондонѣ: у меня тамъ есть дѣла. Я самъ тебя отвезу въ Мельстоу. Что у насъ сегодня?— Среда. Мы отправимся съ тобой въ Пятницу на слѣдующей недѣлѣ; это будетъ тремя днями позже, нежели назначила миссъ Лонгъ.

«О, я увѣрена, она не будетъ сердиться. А когда ты совсѣмъ возвратишься въ Англію, Дунканъ?»

— Видишь ли, Руоъ, всякій разъ, какъ я пріѣзжаю сюда на короткое время, я отдаляю мое окончательное возвращеніе по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Я надѣюсь совсѣмъ покончить съ Индіей только черезъ три года.

Руоъ это показалось очень долго.

— Три года пройдутъ скоро. Ты къ тому времени выйдешь изъ пансіона и мы будемъ жить вмѣстѣ. То-то заживемъ мы съ тобой! Сколько лѣтъ тебѣ тогда будетъ?

«Шестнадцать. Я именно черезъ три года должна окончить свое воспитаніе.»

— Вотъ и прекрасно! Какъ хорошо намъ будетъ жить вмѣстѣ, неправда ли, Руоъ?

Но Руоъ вздохнула: въ эту минуту она могла думать только о предстоящей разлукѣ.

«Дунканъ, сказала она послѣ непродолжительнаго молчанія, я обѣщала Теду попросить тебя, чтобъ

ты съ нимъ занимаешься каждый день по полчаса до окончанія каникулъ...»

— Отчего ты такъ хлопочешь о немъ?

Она передала ему свой разговоръ съ Тедомъ и забывъ, что Вальтеръ спитъ, начала говорить громко; онъ проснулся и отвѣчалъ ей вмѣсто Дункана.

— Мнѣ стыдно, Руоъ, что не меня, а другого просятъ заниматься съ Тедомъ. Дунканъ, вы должны это мнѣ предоставить. Руоъ указала мнѣ на обязанность, о которой я было совѣмъ позабылъ.

«Нѣтъ, Вальтеръ, ты много трудишься въ школѣ и тебѣ необходимъ отдыхъ. Я же все это время ничего не дѣлалъ и охотно бы чѣмънибудь занялся.»

Въ открытомъ окнѣ, возлѣ котораго стоялъ Дунканъ, показалось смѣющееся лицо.

— Никакъ не ожидалъ я, чтобъ двое ученыхъ стали спорить о чести быть моимъ наставникомъ. Конечно, я вамъ обоимъ очень, очень обязанъ!

«Ты насъ подслушивалъ, Тедъ?» спросилъ Дунканъ.

— Я подошелъ къ окну въ то самое время, когда Вальтеръ произносилъ свою рѣчь; и она мнѣ показалась такой краснорѣчивой и трогательной, что я не хотѣлъ лишиться васъ удовольствія выслушать ее до конца.

«Это очень любезно съ вашей стороны, сказала Руоъ:—впрочемъ, вы никогда ничего не дѣлаете такъ, какъ другіе люди.»

— Ваша правда. Однако спорный вопросъ еще не рѣшенъ? Тогда по крайней мѣрѣ отвергнутому наставнику не будетъ такъ обидно.

Всѣ засмѣялись; Руоъ взяла два кусочка бумаги и сказала:

— Кто выдернетъ кусочекъ подлиннѣе, тотъ и выиграетъ.

Судьба оказалась благопріятной Дуукану.

Тедъ вскочилъ на окно, принявъ ораторскую позу и съ важнымъ видомъ началъ:

— Мистеръ Легъ! поздравляя васъ съ вполне заслуженной честью, которой вы такъ счастливо достигли, мы не можемъ не выразить нашего сочувствія и состраданія сэру Вальтеру Дугласу. Всѣмъ извѣстно, что фортуна слѣпа, и мы рѣшительно не видимъ, почему бы вы, сэръ Вальтеръ, не были одинаково достойны занять мѣсто вашего болѣе счастливаго друга (я говорю, счастливаго, потому что онъ въ эту минуту развѣ не достигъ верха своихъ желаній?)....» За тѣмъ послѣдовалъ сильный припадокъ кашля. — «Леди и джентльмены! мы съ сожалѣніемъ должны вамъ объявить, что начали фразу, которую не знаемъ какъ окончить и потому, съ вашего позволенія, осмѣливаемся начать другую. Мы желаемъ довести до вашего свѣдѣнія, что съ особеннымъ удовольствіемъ учреждаемъ новое мѣсто, исключительно для сэра Вальтера Дугласа. Мы его дѣлаемъ вторымъ наставникомъ нашей особы. Въ чемъ, будутъ состоять обязанности его и мистера Лега, мы объявимъ послѣ зрѣлаго размышленія и продолжительнаго сна!» И заключивъ такимъ образомъ свою рѣчь, краснорѣчивой ораторъ ушелъ тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ, т. е. вы-

скочилъ въ окно. Слушатели его могли на досугъ хотать.

Но слѣдствіемъ всего этого было то, что Тедъ каждый день, послѣ завтрака, запирался въ свою комнату. Онъ никого не допускалъ къ себѣ, даже своихъ наставниковъ, которыхъ такъ торжественно ввелъ въ ихъ должность. Онъ объявилъ, что предостовляетъ имъ обоимъ честь экзаменовать себя въ послѣдній день и находить, что они этимъ уже вполне заслужаютъ вознагражденіе, которое онъ имъ предназначаетъ.

Они поймали его на словѣ и когда насталъ послѣдній день, оба наставника заставили его выдержать строгій экзаменъ. Онъ ихъ совершенно изумилъ познаніями, которыя успѣлъ приобрести въ такое короткое время. Руоъ была очень обрадована, Тедъ радовался ея удовольствію и оба они возлагали большія надежды на слѣдующее полугодіе. Тедъ дошелъ до того, что даже сказалъ въ припадкѣ прилежанія: «Трудъ совсѣмъ не такая ужасная вещь, какъ я предполагалъ.»

Между тѣмъ насталъ день разлуки. Послѣдняя недѣля была употреблена на мирныя занятія; всѣ большею частью оставались дома, никто не хотѣлъ предпринимать длинныхъ прогулокъ. Утромъ обыкновенно ходили къ морю, потомъ читали, писали или работали подъ тѣнью деревъ; иногда стрѣляли въ цѣль, а по вечерамъ катались. Руоъ была особенно счастлива въ эти дни. Она чаще, нежели во все предъидущее время, оставалась на единѣ съ Дунканомъ и всякій разъ открывала въ немъ какія нибудь новыя качества. Ее

смущало только одно: невѣдѣніе, въ которомъ она находилась на счетъ религіозныхъ убѣжденій Дункана. Кромѣ того, Руевъ не могла безъ горечи думать о новой и столь продолжительной разлукѣ съ нимъ.

Вечеромъ, наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда, добрая леди Дугласъ совѣтовала всеѣмъ пораньше лечь спать. Погода была необыкновенно хороша и Дунканъ остался въ гостиной послѣ того, какъ уже все разошлись по своимъ комнатамъ. Вдругъ, къ его удивленію, дверь снова растворилась и въ комнату вошла Руевъ.

— Отчего ты еще не легла? спросилъ онъ ее.

«Мнѣ не хочется спать и я пришла сюда за книгой, которую мнѣ надо уложить.»

Вмѣсто того, чтобы помочь ей отыскать книгу, Дунканъ отворилъ ставню, желая посмотрѣть все также ли еще тепло. За тѣмъ было открыто окно, потушена свѣча и братъ и сестра усѣлись на подоконникѣ. Долго разговаривали они о разныхъ предметахъ, но потомъ перешли къ тому, что ихъ всего болѣе занимало: къ отъѣзду Дункана и къ его продолжительному отсутствію.

— Руевъ, сказалъ онъ, не страшно ли, что мы, оставшись съ тобой всеѣмъ одни на свѣтѣ, не можемъ жить вмѣстѣ? Если мы и соединяемся, то это на весьма короткое время и только для того, чтобы снова разлучаться.

«Правда твоя, Дунканъ. Я считаю время твоими пріѣздами и они останутся единственными пріятными воспоминаніями моего дѣтства. Но, Дунканъ, эти встрѣчи съ тобой такъ пріятны, что онѣ вполнѣ вознагра-

ждають за время твоего отсутвія. Господь къ намъ очень милостивъ!» Она сказала это серьезно и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Руоъ, отвѣчалъ онъ грустнымъ тономъ, ты меня научишь этому, когда я возвращусь домой. Я постоянно чувствую, что ты знаешь то, чего я не знаю, и ты возбудила во мнѣ желаніе научиться многому, о чемъ я прежде и не думалъ. Я съ дѣтства вѣрю въ Бога и знаю, что Онъ добръ, но не могу, какъ ты, во всемъ на него полагаться и думать, что все, случающееся съ нами, хорошо, потому только, что Ему такъ угодно.

«О, Дунканъ! возразила она, ты напрасно думаешь, что я этому уже научилась. Нѣтъ, я еще не скоро достигну того, чтобъ Его воля была въ тоже время и моей. Это и значить быть умной и доброй, Дунканъ, и я боюсь, что для достиженія этого надо употребить всю жизнь.»

— Когда я возвращусь, Руоъ, мы будемъ вмѣстѣ учиться, тодько мнѣ прійдется еще начинать, тогда какъ ты....

«Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ не зачѣмъ такъ долго ждать. Ты можешь этому и безъ меня научиться: тебѣ поможетъ Исусъ, такъ какъ Онъ помогъ и мнѣ. Онъ и теперь уже началъ учить тебя.»

— Миссъ Лонгъ много тебѣ помогала, Руоъ?

«Да, отчасти, но я особенно много обязана Лиззи Спенсеръ.»

— Кто это Лиззи Спенсеръ?

«Она была старшей ученицей, когда я поступила

въ пансіонъ. Но теперь она уже давно уѣхала въ Индію и съ тѣхъ поръ я ничего о ней не слышу, хотя часто о ней думаю.»

Поговоривъ еще немного, Дунканъ наконецъ вспомнилъ, что уже поздно и послалъ Руоѣ спать. Но самъ онъ еще долго сидѣлъ въ гостиной, наслаждаясь прекраснымъ, теплымъ вечеромъ. Когда онъ затворялъ окно, леди Дугласъ испугалась, услышавъ шумъ въ такой поздній часъ. Но шаги его по лѣстницѣ и наконецъ стукъ дверей его камнаты, находившейся не далеко отъ ея, объяснили ей въ чемъ дѣло.

На другой день Руоѣ встала очень рано и пошла къ Бѣлымъ воротамъ, еще разъ взглянуть на море, проститься съ нимъ и совсѣми своими любимыми мѣстами въ саду. Дунканъ долженъ былъ непременно въ этотъ же самый день поспѣть въ Лондонъ и потому не могъ проводить Руоѣ до самаго дома миссъ Лонгъ; они должны были разстаться на Мельстауской станціи.

Дугласы съ сожалѣніемъ провожали своихъ гостей и взяли съ Дункана обѣщаніе, что Руоѣ пріѣдетъ къ нимъ на слѣдующее лѣто. Когда она въ послѣдній разъ выглянула изъ окна вагона, то увидѣла, какъ Тедъ, спрятавъ лицо въ руки, дѣлалъ видъ, будто громко плачетъ. Но самое притворство это было неестественно: онъ имъ хотѣлъ прикрыть дѣйствительныя слезы, которыя невольно навертывались у него на глазахъ.

Станція смѣнялась стаціей; Руоѣ прижалась къ

Дункану и они оба молчали. Только, подѣзжая къ Мельстау, онъ сказалъ:

— Теперь, Руоъ, ты вѣроятно скоро найдешь возможность оправдаться передъ подругами. Не забывай, что дѣло это меня тоже очень беспокоитъ, и увѣдомь меня, какъ только все разъяснится. Я очень желалъ бы, чтобъ это случилось до моего отъѣзда изъ Англіи.

«Я не знаю, возвратилась ли Магги. Конечно, я не забуду написать тебѣ, Дунканъ.»

Поѣздъ остановился. Миссъ Лонгъ была на дебаркадерѣ, но Руоъ едва замѣтила ее. Они нѣсколько опоздали и потому всѣ суетились. Дунканъ вышелъ, чтобъ получить багажъ Руои, потомъ едва успѣлъ поцѣловать ее и снова сѣсть въ вагонъ, какъ раздался свистокъ и онъ снова помчался. Руоъ стояла въ оцѣпенѣніи на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ. Движеніе и шумъ вагоновъ привели ее въ себя, она бросилась впередъ, но уже было поздно: поѣздъ завернулъ за уголъ и она болѣе не могла видѣть Дункана. Такъ разсталась она съ нимъ на три года!

Медленно подошла она къ миссъ Лонгъ и черезъ минуту уже тряслась въ томъ самомъ дилижансѣ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ѣхала вмѣстѣ съ Дунканомъ. На подножкѣ, вмѣсто Джо въ лохмотьяхъ, стоялъ нарядный мальчикъ въ нѣсколько потертой, но блестящей ливреѣ.

Алиса встрѣтила ее на порогѣ дома и очень обрадовалась, увидя ее. Она повела ее на верхъ и сама раздѣла. Руоъ обняла ее и не будучи въ силахъ долѣе удерживаться, залилась слезами.

Полчаса спустя, она спросила:

— Возвратилась Джавна Гардингъ?

«Нѣтъ, она болѣе совсѣмъ не возвратится.»

— А Магги Фергюсонъ?

«Нѣтъ; она еще слаба и ей вѣрно подолѣе остаться у моря.»

Терпѣніе, бѣдная Руоѣ!

XXI.

Въ этотъ же самый день, поздно вечеромъ, тяжелая карета остановилась при вѣздѣ въ переулочекъ, гдѣ жила Полли. Изъ нея выскочилъ мальчикъ, а за нимъ вышла молодая дѣвушка. Онъ взялъ у нея изъ рукъ синій узелокъ и повелъ ее въ переулочекъ. Они шли очень медленно: мальчикъ старался соразмѣрять свои шаги съ слабыми шагами дѣвушки, которая, казалось, была очень утомлена. Читатели вѣрно угадали, что это были Полли и ея братъ, Джо. Когда они дошли до калитки сада, Джо отодвинулъ большой камень и развязалъ веревку, которая сдерживала дверцы калитки; потомъ, пройдя тропинку, ведущую къ крыльцу коттеджа, Полли вынула ключъ и отворила дверь. Они вошли въ комнату и снова тщательно затворили за собою двери.

На слѣдующій вечеръ миссъ Лонгъ и Руоѣ шли къ этому же самому домику, когда на углу переулочка встрѣтили Дебору Бертонъ.

— Когда возвратилась Полли? спросила миссъ Лонгъ, вы вѣрно у нея были, Дебби?

« Она возвратилась вчера вечеромъ, сударыня. »

— Я слышала, что отца ея признали виновнымъ, впрочемъ я этого всегда ожидала. Но подробности его дѣла мнѣ еще неизвѣстны. Какъ чувствуетъ себя Полли?

« Она очень, очень грустна, бѣдняжка! Да и можетъ ли быть иначе въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ?.. Она будетъ рада видѣть васъ и миссъ Легъ. »

— Мы къ ней и идемъ. Прощайте, Дебби! вы, кажется, очень устали. Изъ богадѣльни сюда не очень-то близко.

Они прошли черезъ садъ къ домику. Дверь была заперта. Миссъ Лонгъ постучалась и спросила, можно ли войти. Полли, узнавъ ея голосъ, живо отворила двери и встрѣтила ихъ веселѣе, нежели онѣ ожидали.

Она и Джо ѣздили въ городъ, гдѣ происходилъ судъ, для того, чтобы какъ можно скорѣе узнать судьбу отца. Полли передала миссъ Лонгъ всѣ подробности дѣла. Ея бѣдный отецъ былъ осужденъ на три года тюремнаго заключенія! Это было жестокимъ ударомъ для бѣднаго Джо, который все старался себя увѣрить, что отецъ его невиненъ и докажетъ это во время суда. Полли говорила, что никогда прежде не видѣла отца такимъ кроткимъ и такимъ нѣжнымъ къ ней: онъ сильно о ней беспокоился и поручалъ ее заботамъ Джо. Они возвратились въ Мельстоу съ большою тяжестью на душѣ и хотя Полли, ради Джо,

старалась быть спокойной и веселой, но миссъ Лонгъ съ грустью замѣтила измученное выраженіе ея лица. Она сказала ей въ утѣшеніе все, что могла.

— А гдѣ теперь Джо? спросила Руоъ.

«Онъ пошелъ къ вамъ въ домъ, и освѣдомиться нѣтъ ли у садовника работы.»

Миссъ Лонгъ осталась весьма довольна этимъ извѣстіемъ и обѣщала доставить ему постоянную работу. Полли очень этому обрадовалась, не столько потому, что это было единственнымъ способомъ къ ихъ существованію, сколько потому, что правильный трудъ избавитъ Джо отъ многихъ искушеній, которыя могли бы породить лѣнь, и не позволить ему снова связаться съ его прежними пріятелями.

Миссъ Лонгъ пошла навѣстить еще одну больную женщину, жившую по сосѣдству, а Руоъ оставила у Полли, сказавъ, что скоро за ней зайдетъ.

Сначала обѣ дѣвушки молчали, потомъ слѣпая сказала нѣсколько словъ о погодѣ.

— Выходили вы сегодня? спросила Руоъ.

«Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я возвратилась, я чувствую себя очень слабой и одна не могу даже дойти до калижки.»

— Пойдемте со мной, я поведу васъ, подхватила Руоъ. Я увѣрена, что воздухъ освѣжитъ васъ, и обѣщаю вамъ быть очень осторожной.

«Помилуйте, миссъ!» начала Полли; но Руоъ, видя, что она отговаривается только изъ боязни быть въ тягость, поспѣшила положить конецъ ея возраженіямъ.

Она взяла Полли подъ руку и пошла съ ней въ

садъ, гдѣ теперь было много красивыхъ цвѣтовъ и очень мало дурной травы. Руѳъ вспомнила о ноготкахъ, которые видѣла, когда въ первый разъ была у Полли, и была очень рада, что теперь резеда, душистый горошекъ, гвоздика и многіе другіе цвѣты замѣнили ихъ. Сначала она и Полли гуляли молча; когда лучи заходящаго солнца упали на блѣдное лицо Полли, Руѳъ испугалась: до того глубокіе слѣды оставило на немъ послѣднее горе. Бѣдная дѣвушка такъ ослабла, что принуждена была тяжело опираться на руку своей гостыи.

— Полли, сказала Руѳъ, какими ничтожными кажутся ежедневныя, мелочныя непріятности, въ сравненіи съ великимъ горемъ, которое васъ посѣтило... Говоря это, она, можетъ быть, думала о своемъ собственномъ испытаніи.

Полли глубоко вздохнула и отвѣчала: «Я замѣтила, миссъ Руѳъ, что мы, если привыкаемъ терпѣливо переносить небольшія печали, спокойнѣе можемъ довѣриться волѣ Божьей, когда посылаются намъ большія несчастія. Но, прибавила она, я надѣюсь, что ваши горести никогда не будутъ такъ тяжелы, какъ мои! Я желаю этого отъ всего сердца. Но я не ропщу, я не могу роптать: Господь никогда не покидалъ меня и всегда поддерживалъ во всѣхъ испытаніяхъ!»—И Руѳи показалось, что небесная улыбка озарила блѣдное, кроткое лицо Полли и глаза ея, несмотря на то, что были лишены зрѣнія, загорѣлись тихимъ, яснымъ свѣтомъ.

— Васъ никогда ни въ чемъ несправедливо не

подозрѣвали, Полли? спросила она очень тихо, послѣ продолжительнаго молчанія.

Полли не вдругъ отвѣчала. Тѣнь пробѣжала по ея лицу. «Да, миссъ Руоъ, подозрѣвали,» сказала она наконецъ.

— Но вы могли оправдаться?

«Да, когда это было уже слишкомъ поздно.»

— Какъ, слишкомъ поздно? Я не изъ любопытства спрашиваю васъ, милая Полли, но вы доставили бы мнѣ большое удовольствіе, рассказавъ все!

«Я была тогда въ пріютѣ слѣпыхъ. Дама, которая помѣстила меня туда, пришла однажды меня навѣстить, и при мнѣ дала начальницѣ пріюта немного денегъ. Начальница положила ихъ на столъ и вышла изъ комнаты, чтобы проводить мою благодѣтельницу. Когда она возвратилась, деньги исчезли. Мнѣ показалось, что во время ея отсутствія кто-то входилъ въ комнату, — но я не могла сказать кто именно. Случилось, что въ ту же минуту пришелъ ко мнѣ Джо и изъ этого заключили, что я взяла деньги и отдала ихъ ему! Я скорѣе умерла бы, миссъ Руоъ, чѣмъ взяла бы что нибудь чужое, а тѣмъ болѣе деньги той, которая была ко мнѣ такъ добра, что я вамъ и рассказать не могу.»

— И она повѣрила этому, Полли? Надѣюсь, что нѣтъ!

«Не знаю, миссъ, повѣрила ли она, но ей все рассказали. Я сама ее болѣе не видала: она вскорѣ умерла.» И слезы потекли изъ глазъ бѣдной дѣвушки.

— Какое ужасное подозрѣніе! Но развѣ никто не зналъ правды? Развѣ деньги такъ и не нашлись?

«Никто вѣкогда ничего не зналъ, исключая меня и бѣдной дѣвушки, которая ихъ взяла. Она была служанкой у нашей начальницы. И когда я уже оставила пріютъ, она опасно захворала, послала за мной и сказала мнѣ, что она всему виной, и хотя очень сожалѣла обо мнѣ, когда меня подозрѣвали, но не имѣла мужества сознаться въ своемъ проступкѣ. Бѣдняжка, умирая, взяла съ меня обѣщаніе, что я никогда никому его не открою. Я исполнила ея желаніе, миссъ Руоѣ. Начальница и до сихъ поръ продолжаетъ меня подозрѣвать.»

— Бѣдная Полли, вы и это перенесли! Чего вы не испытали? Но еслибы, по крайней мѣрѣ, та добрая дама знала, что вы не виноваты, вамъ было бы гораздо легче.

«Она вѣроятно все знаетъ, миссъ Руоѣ! Эта мысль меня очень утѣшала прежде, но теперь, когда у меня столько другихъ заботъ, я рѣдко объ этомъ думаю.»

Онѣ обѣ продолжали идти въ задумчивости.

— Полли, сказала Руоѣ, мнѣ теперь стыдно, что я такъ много думала о томъ, что считала тяжкимъ испытаніемъ. Я вижу, вы, при всѣхъ другихъ вашихъ несчастіяхъ, не избѣжали и этого! Могу ли я вамъ рассказать о своемъ горѣ?

И она повторила Полли всю исторію о наградахъ и о подозрѣніяхъ, которыя такъ мучили ее. Когда она заговорила о надеждахъ, возбужденныхъ въ ней несвязными словами Магги, онѣ показались ей болѣе нежели когда

либо основательными. Полли тоже думала, что съ приѣздомъ маленькой Магги Фергюсонъ все объяснится.

«Ахъ, миссъ Руоъ, сказала она, перо безъ сомнѣнія снова будетъ вашимъ и тогда...» она остановилась.

— Я не забочусь о наградѣ, Полли, мнѣ только хочется оправдаться. Но что начали вы говорить?

«Я хотѣла сказать, что вы бы очень меня одолжили, еслибъ пришли ко мнѣ съ вашимъ перомъ, когда его получите, и написали бы мнѣ письмо къ отцу.»

Руоъ улыбнулась.

— Получу я перо или нѣтъ, Полли, но во всякомъ случаѣ я исполню ваше желаніе.

«Мнѣ очень жаль прервать вашу прогулку, но, милая Руоъ, намъ уже давно пора идти домой» раздался неожиданно голосъ позади ихъ.

Онѣ не слышали, какъ миссъ Лонгъ подошла къ нимъ, потому что всѣ дорожки въ саду были взрыты. Джо въ этотъ день утромъ очищаль ихъ отъ дурной травы.

Руоъ отвела Полли въ комнату и, ласково простясь съ нею, побѣжала къ миссъ Лонгъ, ожидавшей ее у калитки.

Въ переулкѣ онѣ встрѣтили Джо. Мальчикъ отвернулся и сдѣлалъ видъ, будто ихъ не замѣчаетъ. Но миссъ Лонгъ подошла къ нему и ласково спросила, видѣлся ли онъ съ садовникомъ?

Къ ея удивленію, онъ отвѣчалъ «нѣтъ», покраснѣлъ и видимо смутился. Миссъ Лонгъ не знала, что подумать. Ужъ не сдѣлалъ ли онъ опять чего нибудь

дурного и не обманывалъ ли свою слѣпую сестру?.. пришло ей на мысль.

«Мы сейчасъ были у Полли и она сказала намъ, что ты пошелъ ко мнѣ. Я была этому очень рада, мой садовникъ именно теперь нуждается въ помощникѣ,» сказала миссъ Лонгъ.

Но Джо не отвѣчалъ.

«Приходи ко мнѣ завтра, продолжала она, я скажу ему, что онъ можетъ на тебя рассчитывать; а не то мнѣ прійдется искать когонибудь другого.»

— Благодарю васъ, сударыня, проговорилъ онъ, задыхаясь, и продолжалъ съ жаромъ: — не думайте, что я хочу васъ обманывать, я нигдѣ не былъ сегодня вечеромъ: только у воротъ вашего дома... но я не рѣшился войти. Несчастіе сдѣлало меня трусомъ! Я простоялъ на улицѣ болѣе часа и не рѣшился даже повидаться съ мистеромъ Дженкинсомъ! Онъ съ трудомъ удерживалъ слезы.

«Бѣдный мальчикъ! сказала миссъ Лонгъ:—Хорошо, приходи завтра, я поговорю съ Дженкинсомъ, а теперь иди домой, Полли ждетъ тебя. Береги ее, Джо!»

Лицо его прояснилось, онъ еще разъ сказалъ: Благодарю васъ сударыня, и пошелъ далѣе.

«Въ этомъ мальчикѣ много хорошаго, сказала миссъ Лонгъ; странно видѣть въ немъ, при его невѣжествѣ и грубости, столько вѣжности и чувствительности.»

— Полли, теперь, когда никто ей не будетъ мѣшать, можетъ имѣть на него очень хорошее вліяніе, не правда ли, миссъ Лонгъ?

«Да, я думаю. Надо, чтобъ Дженкинсъ за нимъ

наблюдалъ и требовалъ, чтобы онъ постоянно приходилъ во-время. Бѣдный мальчикъ! У него будетъ много искушеній. Прежде всего ему надо дать занятіе: если онъ станетъ поддерживать Полли своими трудами, это будетъ для него гораздо лучше, чѣмъ если бы мы ему вдругъ дали много денегъ. Впрочемъ, я назначу ему хорошую плату и это подстрекнетъ его.»

— Какая Полли славная дѣвушка, миссъ Лонгъ! всякій разъ, какъ я ее вижу, я научаюсь чему нибудь хорошему.

Миссъ Лонгъ ласково взглянула на Руоъ и сказала: «Ты теперь, моя милая Руоъ, собираешься съ силами и запасаясь утѣшеніями, чтобы храбро бороться съ несчастіемъ, когда настанутъ тяжелые дни. Дай Богъ, чтобы они не скоро настали.»

Руоъ вздохнула.

— Ты вздыхаешь о Дунканѣ, моя милая? Правда, это горе, но не очень большое; во всякомъ случаѣ, живя въ пансіонѣ, ты только изрѣдка могла бы съ нимъ видѣться; а теперь, когда онъ возвратится въ Англию, ты уже окончишь воспитаніе, будешь съ нимъ жить и заниматься его хозяйствомъ. Неправда ли, Руоъ?»

Но выраженіе лица Руоъ не соотвѣтствовало веселому тону и улыбкѣ доброй наставницы.

«Что съ тобою, моя дорогая Руоъ? сказала она, перемѣнивъ тонъ. Съ тобой вѣрно что нибудь случилось. Отчего ты не хочешь мнѣ повѣрить своего горя? вѣдь мы всегда были съ тобой друзьями.»

— Можетъ быть, миссъ Лонгъ, мнѣ бы давно слѣ-

товало вамъ все разказать, и я, право, сама не знаю, почему все это время молчала; я боялась, что и вы тоже станете меня подозрѣвать. О, миссъ Лонгъ, я не могла бы этого вынести!

«Подозрѣвать, Руѳь! Я никогда ни въ чемъ тебя не подозрѣвала; но скажи мнѣ, въ чемъ дѣло.»

— Все произошло по поводу сочиненія, которое намъ задалъ мистеръ Тейлоръ.

«Я именно объ этомъ хотѣла поговорить съ тобой, Руѳь, когда мы встрѣтили Джо: я слышала, какъ ты и Полли говорили о перѣ, и вспомнила, что мистеръ Тейлоръ хотѣлъ дать золотое перо за лучшее сочиненіе. Онъ даже говорилъ мнѣ, что твое было лучше всѣхъ. Болѣзнь маленькой Магги всѣхъ насъ такъ обезпокоила, что это у меня совсѣмъ вышло изъ головы. Отчего ты мнѣ никогда не показывала пера?»

— Оттого, миссъ Лонгъ, что другія дѣвочки думали, будто я нечестнымъ образомъ получила его и я отдала его имъ на сохраненіе, пока...

«Нечестнымъ образомъ, милая Руѳь?» Миссъ Лонгъ взглянула на нее и воскликнула: «это невозможно!»

Руѳь ободрилась и разказала ей все: о Магги, о своихъ надеждахъ и проч.

— Я стараюсь, прибавила она, терпѣливо ожидать возвращенія Магги. Но Джанна Гардингъ болѣе не приѣдетъ!

«Джанна Гардингъ! Такъ это она видѣла тебя въ гостиной и обвинила?»

Руѳь не намѣревалась назвать Джанны: ея имя вырвалось у нея невольно. Она ни про кого не лю-

била говорить дурно за глаза и теперь успѣшила объяснить, что вѣроятно у Джанны были сильныя причины къ подозрѣнію.

— Я отчасти заслужила это, сказала она, потому что позволяла себѣ иногда сердиться на Джанну. О, миссъ Лонгъ, когда я избавлюсь отъ своего сквернаго характера!

«Я думаю, Руоъ, это время ожиданія и необходимость быть терпѣливой принесутъ тебѣ много пользы. Но я очень рада, что все это узнала, и могу объявить тебѣ пріятную новость: я получила сегодня письмо отъ м-съ Фергюсонъ; она пишетъ, что Магги совсѣмъ поправилась и возвратится къ намъ послѣ завтра.»

Руоъ покраснѣла.

— Ахъ, миссъ Лонгъ, я такъ рада, такъ благодарна!.. Но...

«Но, хочешь ты сказать, если она ничего не знаетъ! Мы объ этомъ не будемъ теперь думать; я увѣрена, что она что нибудь да знаетъ. Станемъ надѣяться и терпѣливо ожидать.»

— Я такъ рада, что вы все знаете и мнѣ вѣрите, прибавила Руоъ тихонько.

«Да, я вѣрю тебѣ, Руоъ, и не стану сомнѣваться даже и въ томъ случаѣ, если наши надежды на счетъ Магги не сбудутся. Но другимъ надо доказать твою невинность: не всѣ такъ довѣрчивы, какъ твоя старая наставница! Можетъ быть, мы найдемъ и другой какой нибудь способъ тебя оправдать. Ты говоришь, что это былъ первый томъ Исторіи?»

— Да.

«Я теперь ничего болѣе не могу сказать, но совѣтую тебѣ не думать объ этомъ до прїѣзда Магги. Я полагаю, Алиса ничего не знаетъ?»

— Нѣтъ, она уѣхала прежде этого происшествія, а потомъ я ей ничего не говорила.

Онѣ пришли домой и Руоѣ собиралась идти на верхъ, чтобы раздѣться, когда миссъ Лонгъ остановила ее словами:

«Безъ насъ пришло письмо отъ Джанны Гардингъ. Подожди немного, Руоѣ, я посмотрю, нѣтъ ли въ немъ чего интереснаго для тебя... Ахъ, какъ странно! Она въ поведѣльникъ проѣзжаетъ черезъ Мельстоу и хочетъ переночевать у меня и провести одинъ день. Маленькая Магги тоже возвращается въ поведѣльникъ. Неправда ли, какъ это хорошо, Руоѣ?»

Руоѣ сказала: «Благодарю васъ» и личико ея повеселѣло. Изъ словъ миссъ Лонгъ она заключила, что у нея есть способъ оправдать ее гораздо вѣрнѣйшій, нежели доказательства Броуни. И она такъ была рада, что почувствовала желаніе взбѣжать на лестницу черезъ двѣ ступеньки; но миссъ Лонгъ была въ прихожей, и Руоѣ воздержалась отъ этого желанія. Когда она пришла въ классную комнату, то всѣ замѣтили, что она была необыкновенно весела.

XXII.

Два дня тянулись бесконечно, какъ это всегда бываетъ, когда чего нибудь съ нетерпѣніемъ ожидаешь. Алиса удивлялась, почему Руоѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала Броуни, такъ часто взглядывала на ея постельку и повторяла: «какъ пріятно будетъ снова видѣть за этими занавѣсками милое личико Магги.» И дѣйствительно, независимо отъ желанія поскорѣй оправдаться, Руоѣ хотѣлось увидѣться съ дѣвочкой, за которой она такъ нѣжно ухаживала, и удостовѣриться, что здоровье ея и веселость снова къ ней возвратились. Но теперь уже не долго приходилось ей терпѣть. Магги должна была пріѣхать къ обѣду. Джанну слѣдовало ожидать только поздно вечеромъ, можетъ быть, даже съ послѣднимъ поѣздомъ.

Въ это утро Руоѣ долго ничѣмъ не могла заниматься. Наконецъ она успѣла преодолѣть себя и даже никто не замѣтилъ ея разсѣянности: она по обыкновенію занималась своими уроками, помогала маленькимъ, принимала участіе въ дѣлахъ всѣхъ своихъ подругъ.

Наконецъ около трехъ часовъ раздался шумъ подъѣзжающей кареты. «Броуни!» воскликнула сосѣдка Руоѣ. Щеки ея вспыхнули, она съ минутой прислушивалась, чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, а потомъ спокойно снова принялась писать. Нѣсколько минутъ спустя, Магги влетѣла въ классную комнату съ такимъ шумомъ, который ясно доказы-

валъ, что она возвращалась послѣ продолжительныхъ каникулъ и нѣсколько отвыкла отъ пансіонскаго порядка. Но никто не обратилъ на это вниманія. Дѣвочка на минуту остановилась, чтобы осмотрѣться, потомъ бросилась къ Руои, обвила ее шею своими руками и крѣпко, крѣпко поцаловала. Руоъ въ свою очередь нѣжно обнял ее и часто наклонялась, чтобы цѣловать дѣвочку, которая прижалась къ ней и долго оставалась въ этомъ положеніи.—«Она, кажется, плачетъ,» сказала одна изъ маленькихъ. Въ ту же минуту Магги живо вскочила и начала по очереди всѣхъ цаловать, но на щекѣ ея блестѣла слезка. Потомъ она снова возвратилась къ Руои и усѣлась къ ней на колѣни. Руоъ сняла съ нея шляпку и тутъ въ первый разъ могла рассмотреть ея личико. Она все еще была очень худа и волосы ея были обрѣзаны короче прежняго; но вообще она, казалось, совсѣмъ поправилась и увѣряла, что «ни крошечки» не устала отъ своего путешествія, которое, впрочемъ, было очень непродолжительно. Она начала говорить о прелестныхъ раковинкахъ, которыя собирала на морскомъ берегу и теперь привезла съ собой, и о подаркахъ, которые получила отъ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

— У меня есть кое что и для тебя, Руоъ! Маленька надѣется, тебѣ это понравится... Но мнѣ не слѣдовало ничего говорить, пока я не отдамъ тебѣ подарка—это... я пойду достану его изъ чемодана—у меня ключъ здѣсь въ карманѣ, проговорила быстро Магги.

«Не лучше ли подождать, Магги, и спросить у миссъ Лонгъ?» перебила ее Руоъ.

— Правда, но мнѣ такъ хочется поскорѣй тебѣ его отдать.

Дверь растворилась и миссъ Фергюсонъ была позвана внизъ, обѣдать.

— Я не хочу обѣдать, я гораздо охотнѣе осталась бы съ тобой, Руоъ...

Но Руоъ посоветовала ей поскорѣй отнести на верхъ шляпу и салопъ, а потомъ сойдти внизъ къ миссъ Лонгъ. «Чѣмъ скорѣе ты пойдешь, тѣмъ скорѣй и возвратишься, Броуни,» прибавила дѣвушка.

— Я буду здѣсь черезъ пять минутъ! воскликнула Магги и скрылась, предоставивъ перчатки, мантилью и разныя другія вещи заботливости Руои.

Но прошло гораздо болѣе пяти минутъ, а она не возвращалась. Наконецъ головка ея всунулась въ двери классной комнаты и она сказала: «Руоъ, миссъ Лонгъ зоветъ тебя въ гостинную,—я тоже тамъ!» и снова исчезла. Руоъ улыбнулась, спрятала книги и вышла изъ класса.

Не послѣдовать ли и намъ за ней? Нѣтъ; таинственный видъ Броуни заставляетъ предполагать, что у нея дѣйствительно есть какой нибудь важный секретъ и мы, пожалуй, еще помѣшаемъ ей.

Черезъ полчаса онѣ возвратились вмѣстѣ. Маленькая дѣвочка ни на минуту не отходила отъ Руои. У нихъ было много разговоровъ наединѣ и каждый изъ нихъ оканчивался крѣпкимъ поцѣлуемъ со стороны Магги, чему Руоъ нисколько не противилась.

Магги поминутно спрашивала: «Какъ ты думаешь, Джанна Гардингъ непременно прїѣдетъ сегодня вечеромъ?» и восклицала: «Ахъ, еслибы миссъ Лонгъ позволила мнѣ подождать ее!» Но миссъ Лонгъ была неумолима и даже послала ее спать получасомъ ранѣе обыкновеннаго. Впрочемъ, Магги утѣшилась тѣмъ, что Руоъ согласилась помочь ей раздѣться.

— Наконецъ-то я могу тебѣ отдать мой подарокъ! Мы будемъ совершенно однѣ и никто намъ не помѣшаетъ. Ахъ, какъ весело! восклицала Магги, когда онѣ шли къ хорошо знакомой намъ комнаткѣ.

«Но твой чемоданъ еще вѣрно не разобранный, Бруни?»

— Нѣтъ, разобранный. Я давно отдала ключъ Елисаветѣ и просила ее быть очень осторожной съ одной маленькой вещицей.

Онѣ продолжали очень медленно подниматься на лѣстницу, потому что Магги почти совсѣмъ повисла на шеѣ своей высокой подруги.

Но когда онѣ наконецъ пришли въ спальню, она бросилась къ чемодану, который былъ почти пустъ: на днѣ его остались только разныя мелочи, съ которыми Елисавета не знала что дѣлать и просила миссъ Фергюсонъ самой ихъ убрать. Она схватила маленькую вещицу, завернутую въ серебристую бумажку, и, подавая Руоѣ, сказала:

— Маленька надѣется, что ты полюбишь этотъ подарокъ и будешь всегда его носить въ воспоминаіе... въ воспоминаіе... ахъ, я забыла слова, которыми она меня выучила, но дѣло въ томъ, что ты за

мною ухаживала во время моей болѣзни и маменька тебя очень любить, а я тебя ужасно люблю!—и она снова принялась ее цаловать и утерла слезу, которая выкатилась изъ подъ длинныхъ рѣсницъ Руов.

— Могу я развернуть, Руов? или ты сама хочешь.

Но Руов отдала ей свертокъ, говоря:

«Нѣтъ, моя милочка, разверни, пожалуста, ты!»

Магги быстро развернула бумажку и Руов не успѣла еще увидѣть что въ ней заключалось, какъ маленькая дѣвочка принялась надѣвать ей прелестное кольцо, но напрасно: оно остановилось на первомъ же сгибѣ большого пальца и не шло далѣе! Она взглянула и воскликнула: «О, какая я глупая! Надѣваю не на тотъ палецъ,» и она надѣла его на четвертый. «Оно совсѣмъ въ пору, Руов... неправда ли какое оно хорошенькое? Я сама его выбирала... я знала, что ты очень любишь жемчугъ!»

Руов съ такимъ жаромъ выразила свою благодарность и свое удовольствіе, что даже Магги осталась довольна.

— И знаешь, Руов, прибавила она:—это мой собственный подарокъ: я отдала свою полкرونу, а маменька только добавила чего недоставало, потому что у меня болѣе не было денегъ.

Руов улыбнулась при мысли, что Магги цѣнила въ полкроны прекрасное кольцо, которое блестѣло у нея на пальцѣ.

«Это очень, очень любезно со стороны твоей маменьки, Броуни; скажи ей отъ меня, что я очень ее

благодарю и всегда буду носить это кольцо, сказала Руоь.

— Непремѣнно скажу, Руоь. Но я должна была подарить его отъ себя и мнѣ не слѣдовало ничего говорить о маменькѣ. Но она не разсердится, и потому, я скажу ей все, что ты хочешь; напomini мнѣ только, когда я буду ей писать, а то я, пожалуй, забуду.

Въ этотъ вечеръ Магги очень долго раздѣвалась.

— Ну, Магги, сказала ей Руоь:—теперь тебѣ надо поскорѣй заснуть.

— Нѣтъ, я подожду пока не пріѣдетъ Джанна Гардингъ, возразила дѣвочка.

«Это невозможно, Магги; она пріѣдетъ съ послѣднимъ поѣздомъ, почти ночью. Можетъ быть, и я не увижу ее; постарайся все это выкинуть изъ твоей головки и засни.»

Магги вздохнула и сказала:

— Хорошо, Руоь, но позволь мнѣ сказать тебѣ еще одну вещь...

«Хорошо, только одну, единственную.»

— Руоь, я дома все старалась помнить объ Эми и о путеводителѣ. Маменька осталась довольна моимъ поведеніемъ—но это было не легкое дѣло послѣ твоего отъѣзда! Мнѣ хотѣлось сердиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовала, что болѣе, нежели когда либо, должна быть доброй, избавившись отъ смерти.

— Бѣдное дитя! Эта болѣзнь тебя слѣлала раздражительной. Но если тебѣ удалось превозмочь себя тогда, Магги, то вѣрно теперь, когда ты совсѣмъ здорова, тебѣ не трудно будетъ себя хорошо вести.

— Я очень рада, что ты такъ думаешь, Руоъ, Богъ помогъ мнѣ, когда я была слаба, а теперь, когда силы ко мнѣ возвратились, я должна еще болѣе надъ собой работать.

«Да, моя милочка, но Его помощь намъ всегда необходима! Однако будетъ, будетъ: мы заболтались съ тобой. Спи спокойно, моя Магги, Господь съ тобой. Я очень рада, что опять вижу тебя.»

Магги еще разъ крѣпко обняла Руоъ и наконецъ рѣшилась отпустить ее.

Часъ спустя, когда всѣ приготавлились разойтись по своимъ комнатамъ, Джаяна Гардингъ вошла въ классъ. Она преобразилась изъ пансіонерокъ въ совершенно взрослую леди и привѣтствовала своихъ бывшихъ подругъ очень ласково, но съ нѣскольکو покровительственнымъ видомъ, исключая Руои, которую называла «миссъ Легъ» и обходилась съ ней ни ласково, ни покровительственно. Она недолго оставалась въ классѣ и, когда вышла, со всѣхъ сторонъ посыпались замѣчанія о ея туалетѣ, и нѣкоторые не совсѣмъ благо-разумныя дѣвочки даже завидовали, что она вышла изъ пансіона и можетъ такъ прекрасно одѣваться. Конечно, Руоъ не была въ числѣ ихъ, а Алиса, которая годъ тому назадъ, можетъ быть, раздѣляла бы ихъ мнѣніе, теперь очень измѣнилась и, зная, какая обязанность будетъ лежать на ней, когда она достигнетъ совершеннолѣтняго возраста, радовалась, что это еще не скоро случится.

Когда она съ Руою пришла въ свою комнату, ихъ встрѣтилъ голосокъ Магги.

— Приѣхала Джанна? спросила она.

«Да, но я думала...»

— Не брани меня, пожалуйста! Я такъ хотѣла узнать приѣхала ли она. Прощай, Алиса, прощай, Руоѣ. Черезъ минуту она уже крѣпко спала.

На слѣдующее утро всѣ жаловались на невыносимый жаръ. Миссъ Лонгъ предложила старшему классу вмѣсто утренней прогулки отправиться въ садъ и заняться тамъ обычнымъ чтеніемъ. Всѣ съ радостью приняли это предложеніе и полчаса спустя дѣвочки пріютились подъ тѣнью старыхъ деревьевъ. Но Руоѣ не было между ними: Англійская учительница куда-то уѣхала и миссъ Лонгъ просила ее заняться чтеніемъ съ маленькими. Это было необыкновенное распоряженіе, потому что, за отсутствіемъ какойнибудь учительницы, ея классъ всегда соединялся съ другимъ и всѣ читали вмѣстѣ. Но вѣроятно на этотъ разъ миссъ Лонгъ имѣла особенныя причины такъ поступить. Джанна была тоже въ саду. Миссъ Лонгъ пригласила ее въ послѣдній разъ принять участіе въ занятіяхъ ея бывшихъ подругъ. Вмѣсто чтенія, назначеннаго на этотъ день, миссъ Лонгъ выбрала изъ Библии одну главу, которая, говорила она, ей особенно нравится, и по ея желанію всѣ дѣвочки открыли Библию на первомъ посланіи къ Коринѣянамъ, гдѣ говорится о любви.

Всѣ присутствовавшія при этомъ чтеніи, никогда не могли забыть его. Миссъ Лонгъ, изъясняя слова Апостола, особенно долго говорила о тѣхъ маленькихъ недостаткахъ, къ которымъ такъ склонны всѣ

пансіонерки. Она говорила, какъ рѣдко найдти, даже между тѣми изъ нихъ, которыхъ считаютъ добрыми и милыми, любовь, которая «не завидуетъ», любовь, которая «не радуется неправдѣ», любовь, которая «не ищетъ зла» и «все переноситъ». Потомъ она провела паралель между знаніемъ, которое «исчезнетъ», и любовью, которая «никогда не исчезнетъ», и объяснила, какъ ничтожно первое безъ второй. Она сказала, что выбрала это посланіе потому, что въ послѣднее время имѣла случай видѣть болѣе нежели когда либо, какъ нужно внимательно наблюдать за собой, чтобы никого напрасно не обвинять.

— Сказать ли вамъ, какъ я замѣтила это? прибавила она:— Одна дѣвочка жила съ самаго ранняго возраста посреди однихъ и тѣхъ же людей. Она никогда не говорила неправды, всегда поступала честно и благородно и приобрѣла всеобщую любовь и уваженіе, исключая, можетъ быть, немногихъ, которыя завидовали ей. Она всегда старалась поступать по волѣ Того, Кто, она знала, всегда, и днемъ и ночью, видитъ ее. Однакожь одна изъ близкихъ ей особъ, зная все это, вообразила себѣ, что поймала ее въ безчестномъ поступкѣ. Слѣдовало бы скрыть это подозрѣніе и сначала удостовѣриться въ виновности дѣвочки, а потомъ уже громко обвинять ее. Но, нѣтъ, цѣлые годы хорошаго поведенія, честности, благочестія — все было забыто: подруга повѣрила злу и рассказала другимъ о своихъ подозрѣніяхъ; никто не постарался узнать справедливы они или нѣтъ. Была ли дѣйствительно невинна эта дѣвочка? Но она не могла ни чѣмъ этого

доказать, а словамъ ея никто не вѣрилъ, хотя она никогда не лгала. Вы думаете, вѣроятно, что она почувствовала негодованіе и презрѣніе къ такимъ невѣрнымъ друзьямъ? Нѣтъ—она приняла это какъ испытаніе, посланное ей Богомъ, сдѣлалась еще добрѣе и снисходительнѣе; друзья ея были горды—она смирилась. Вы скажете, вѣроятно, что у нея очень кроткій нравъ? Нѣтъ—она отъ природы вспыльчива и горда;—но она твердо боролась со своими недостатками, побѣдила ихъ и терпѣливо несла бремя, такъ беззаботно возложенное на нее, и все это благодаря помощи Того, Кого она считаетъ своимъ Помощникомъ во всѣхъ дѣлахъ, на Кого возлагаетъ безграничное довѣріе и Кого любитъ всѣми силами своей души.»

Миссъ Лонгъ склонила голову и замолчала. Когда она взглянула на своихъ воспитанницъ, слезы видѣлись во многихъ глазахъ, а Джанна Гардингъ прятала лицо въ рукахъ. Миссъ Лонгъ обратилась къ ней:

— Джанна, вы знаете эту дѣвочку?

«Это Руэ!» отвѣчала она, едва слышно.

— Да, но я не требую, чтобы вы безъ доказательствъ повѣрили ея невинности.

«Намъ не надо никакихъ доказательствъ,» воскликнуло нѣсколько голосовъ; но миссъ Лонгъ послала за Магги, а между тѣмъ продолжала:

— Не думайте, милыя дѣти, что я сержусь на васъ или произвольно обвиняю кого нибудь изъ васъ. Руэ не сердится,—съ какой же стати стану я упрекать васъ? Я только хочу еще дать вамъ добрый совѣтъ: если доказательство, которое я вамъ представлю,

удовлетворить васъ, пусть происшествіе это послужитъ вамъ урокомъ; въ другой разъ вы вѣроятно будете осторожнѣе въ вашихъ приговорахъ. Подумайте объ этомъ. Ваша совѣсть вѣроятно говоритъ вамъ, что вы поступили не такъ, какъ предписываетъ христіанская любовь, о которой мы только что читали. Пріймите же съ этихъ поръ твердое намѣреніе, вѣрить только тѣмъ, которые всегда оказывались достойными вашего довѣрія, и не слушать несправедливыхъ обвиненій и тѣмъ самымъ не прибавлять новой тяжести къ бремени, которое и безъ того всякій изъ насъ осужденъ нести.

Въ эту минуту показалась Магги; она, казалось, не шла, а летѣла. Она была очень взволнована, подбѣжала прямо къ миссъ Лонгъ и воскликнула:

«Милая миссъ Лонгъ, могу я имъ все рассказать?»

— Я за тѣмъ и позвала тебя, Магги. Но ты должна говорить какъ можно яснѣе; будь же внимательна и начни свой рассказъ съ чего слѣдуетъ. Поди, сядь возлѣ меня и успокойся.

Но Магги рѣшительно не могла сидѣть спокойно. Она широко раскрыла свои и безъ того большіе глаза и смотрѣла то на ту, то на другую дѣвочку; она такъ запыхалась, что могла произносить только отрывистыя фразы.

— Она не сдѣлала этого, Джанна! говорила она, право, нѣтъ, она лучше всѣхъ насъ.

«Хорошо, Магги, теперь вачни все сначала, перебила миссъ Лонгъ: — Руоъ оставила тебя въ саду, неправда ли? а сама пошла въ домъ? Не торопись.»

— Да, миссъ Лонгъ; она просила меня подождать ее подъ деревомъ, гдѣ мы вмѣстѣ сидѣли. Но пока ее не было, мнѣ захотѣлось полить незабудки, которыя я наканунѣ посадила, и я пошла въ оранжерею за лейкой, и такимъ образомъ послѣдовала за Руоью, но она меня не видала. Мы почти въ одно время вошли: она—въ гостиную, а я—въ оранжерею, потому что она шла медленно, а я бѣжала... Дѣвочка остановилась и взглянула на миссъ Лонгъ, которая погладила ее по головкѣ и сказала:

«Теперь, Магги, ты очень мило рассказываешь; продолжай.»

— Мнѣ было очень жарко и я вспомнила, какъ Руоь совѣтывала мнѣ не поливать въ жаръ цвѣтовъ, говоря, что они отъ этого могутъ умереть. Но я вспомнила ее совѣтъ только тогда, когда уже пришла въ оранжерею. Тогда, увидя Руоь въ гостиной, я рѣшилась подождать ее, тѣмъ болѣе, что въ оранжереѣ было очень прохладно и пріятно, а потомъ, когда она уйдетъ, я думала отворить стеклянную дверь и удивить ее моимъ появленіемъ. Но я этого не сдѣлала, потому что...

«Подожди, душенька, прервала ее миссъ Лонгъ:— ты намъ еще не сказала, что дѣлала Руоь и видѣла ли она тебя.»

— Конечно, нѣтъ, а мнѣ именно это и слѣдовало вамъ сказать! Она перевертывала листы во всѣхъ книгахъ, сначала въ тѣхъ, которыя лежали на столѣ, а потомъ въ тѣхъ, которыя были въ шкапу.

«Читала она ихъ?»

— О, нѣтъ, она даже не смотрѣла на ихъ заглавія, а только перелистывала, знаете, миссъ Лонгъ, вотъ такъ...

И взявъ книгу, она показала на дѣлѣ то, что хотѣла сказать.

«Видѣла она тебя?»

— Нѣтъ, она даже ни разу не взглянула въ мою сторону. Перебравъ много книгъ, она наконецъ нашла въ одной изъ нихъ полевую лилію — совершенно высохшую. Меня удивило, за чѣмъ она ее искала, и это напомнило мнѣ о Флорѣ, — вы знаете что я хочу сказать, миссъ Лонгъ? Я всегда думаю о ней, когда вижу эти цвѣты, потому что они растутъ на ея могилѣ. Вѣроятно, я и тогда задумалась о ней, потому что не замѣтила, какъ Руоъ вышла изъ гостиной. Я отворила дверь, и побѣжала за ней, но въ ту же минуту позвонили къ обѣду. Я едва успѣла пригладить волосы и уже увидѣла Руоъ только въ столовой.

«Благодарю тебя, милая Магги, ты прекрасно намъ все рассказала,» проговорила миссъ Лонгъ.

— Ахъ, какъ я рада! послѣ того, какъ я узнала въ чемъ ее подозрѣваютъ, мнѣ захогѣлось рассказать всю эту исторію какъ можно лучше, и вчера я все это перебирала въ своемъ умѣ. Теперь онѣ повѣрятъ Руою, миссъ Лонгъ?

Миссъ Лонгъ взглянула на дѣвочекъ, какъ бы для того, чтобы удостовѣриться въ ихъ мнѣніи, а потомъ тихонько сказала: «да, а теперь, Магги, возвращайся скорѣй къ своимъ урокамъ.»

Двѣ или три дѣвочки, переговоривъ одна съ другою, сказали:

— Миссъ Лонгъ, мы очень виноваты и намъ хотѣлось бы извиниться передъ Руеюю.

Миссъ Лонгъ клинула уходившую Магги и велѣла ей позвать Руею.

Дѣвочка, только этого и ожидавшая, быстро помчалась въ классъ.

— Еще одно слово, сказала миссъ Лонгъ:— Изъ несвязныхъ рѣчей Магги во время ея болѣзни, Руея заключила, что она можетъ ее оправдать, но если бы эта надежда и не исполнилась, я бы сама могла доказать ея невинность.

Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на миссъ Лонгъ.

— И это, продолжала она, весьма простымъ образомъ. Первый томъ исторіи, тотъ самый, изъ котораго вамъ было задано сочиненіе, не былъ въ это время дома. Я его давала читать одной знакомой и въ рукахъ Руеи вы видѣли вѣроятно 2-й томъ.

«О миссъ, Лонгъ, прошептала Джанна, не говорите ничего болѣе! Миѣ очень жаль: я одна во всемъ виновата! Чѣмъ могу я загладить свою вину? У меня нѣтъ времени, чтобы доказать, какъ искренне мое раскаяніе.»

— Пусть это послужитъ тебѣ урокомъ, милая Джанна: очень часто случается, что мы не бываемъ въ состояніи залечить тѣхъ ранъ, которыя такъ беззаботно наносимъ. Но, прибавила миссъ Лонгъ громко, — гдѣ перо? Мы не должны забыть его.

Оно было у Джанны, которая нечаянно взяла его

съ собой и теперь привезла назадъ, чтобы отдать на сохраненіе кому нибудь другому. Она подала его миссъ Лонгъ и, завидѣвъ вдали Руоъ, пошла къ ней на встрѣчу съ двумя или тремя другими дѣвочками, чтобы сказать, какъ она сожалѣетъ о своемъ проступкѣ, и получить отъ нея поцѣлуй прощенія. Онѣ привели Руоъ съ собой, но, не дойдя еще до деревьевъ, она вырвалась отъ нихъ и съ своей прежней живостью бросилась къ миссъ Лонгъ, которая обняла ее и нѣжно поцѣловала.

Руоъ прошептала: «благодарю васъ!» Всѣ дѣвочки желали извиниться передъ ней, но она ничего не хотѣла слышать и съ улыбкой зажимала ротъ, какъ только онѣ начинали говорить; она только охотно принимала поцѣлуй и пожатія рукъ, но личико ея имѣло счастливое выраженіе.

— А перо? спросила миссъ Лонгъ.

«Милая миссъ Лонгъ, я не хочу его.»

— Не хочешь, мое дитя? почему? Да и что скажетъ м-ръ Тейлоръ? Оно принадлежитъ тебѣ по праву.

«Да, воскликнули всѣ въ одинъ голосъ. Ты заслужила вполне награду, такъ сказалъ и м-ръ Тейлоръ.»

— Миссъ Лонгъ, будьте такъ добры, отдайте перо за слѣдующее лучшее сочиненіе. Право, я не для него хотѣла оправдаться.

«Никто этого и не подумаетъ, Руоъ, но изволь, я исполню твое желаніе. М-ръ Тейлоръ не говорилъ чье сочиненіе лучше послѣ твоего, но я ихъ всѣ читала

и по моему мнѣнію второе мѣсто между ними принадлежитъ сочиненію Джанны. Джанна, перо принадлежитъ тебѣ, такъ желаетъ Руѳъ.»

— Очень, очень благодарю васъ, милая миссъ Лонгъ!

Джанна взяла перо, но была очень смущена и ничего не говорила.

— Оно твое, Джанна, дѣлай съ нимъ что хочешь.

«Въ самомъ дѣлѣ? Я могу имъ вполне распоряжаться?» И она быстро положила его въ руки Руѳъ, проговоривъ едва слышнымъ голосомъ, потому что слезы душили ее: «Въ такомъ случаѣ, дорогая Руѳъ, прошу тебя, возьми его... и пусть оно всегда тебѣ напоминаетъ о моемъ раскаяніи и желаніи загладить всѣ мои поступки въ отношеніи тебя. Я охотно опять возвратилась бы въ пансіонъ для того, чтобы доказать тебѣ, какъ искренни мои слова!»

На этотъ разъ Руѳъ не отговаривалась и взяла перо.

Въ это утро болѣе не было уроковъ. Миссъ Лонгъ и Руѳъ проводили Джанну на желѣзную дорогу. Когда Руѳъ возвратилась домой, ею овладѣли Алиса и маленькая Броуни, которая вполне приписывала себѣ возстановленіе добраго имени Руѳъ. Ее просили ничего не говорить маленькимъ; но она не утерпѣла и дала имъ понять, что кто-то думалъ, будто Руѳъ себя дурно вела, но она, Магги, доказала ея невинность. «Я всегда любила ее и до конца жизни буду любить», прибавила маленькая дѣвочка, «и теперь никогда болѣе не стану беспокоить ее моими уроками.»

Болѣе она ничего не хотѣла говорить, но съ этихъ поръ на нее смотрѣли, какъ на важную особу. Она спрашивала у Руои, дѣйствительно ли она ей предназначала лилію и въ самомъ ли дѣлѣ она сорвала ее на могилѣ Флоры? Руоѣ передала ей всю исторію цвѣтка; но когда Магги сказала, что она сама на каникулахъ сорвала тамъ цвѣтокъ, Руоѣ попросила у нея позволенія оставить у себя на память тотъ, который предназначался ей. Дѣвочка пришла въ восторгъ и только умоляла ее не любить лиліи болѣе кольца. Руоѣ успокоила ее на этотъ счетъ и показала ей кольцо на томъ самомъ пальцѣ, на который Магги сама его надѣла. Магги поймала руку и покрыла ее поцѣлуями. Вотъ почему лилія навсегда осталась въ библии Руои.

Она особенно радовалась тому, что Дунканъ можетъ получить радостное извѣстіе объ ея оправданіи до отъѣзда своего изъ Англій.

XXIII.

За лѣтомъ послѣдовала зима, за зимой опять лѣто и такъ въ продолженіи почти трехъ лѣтъ. Алиса и Руоѣ сдѣлались совсѣмъ взрослыми дѣвучками; онѣ выше всѣхъ, хотя не старше всѣхъ въ пансіонѣ. А Броуни? Она тоже такъ выросла, что вы едва узнали бы ее, и никому не позволяеть себя такъ называть, исключая Руои, которой все позволяется. Онѣ по прежнему очень любятъ другъ друга и никто не смѣетъ

сказать про Руэ дурного слова въ присутствіи ея маленькой защитницы. Впрочемъ, правду сказать, мало кто и имѣетъ подобную склонность: это бываетъ только въ томъ случаѣ, если она заставитъ какую нибудь лѣнивую дѣвочку выучить то, чего лѣнивица не хотѣла учить. Тогда раздается шепотъ неудовольствія, но Магги тотчасъ является и поражаетъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ. Она спрашиваетъ для чьего удовольствія или пользы Руэ такъ заботится объ урокахъ маленькихъ? выражаетъ желаніе, чтобъ Руэ хоть на недѣлю предоставила ихъ своимъ собственнымъ силамъ и тогда она посмотрѣла бы на ужасъ миссъ Лонгъ и всѣхъ учителей. Магги настоящей ораторъ и нерѣдко прибавляетъ къ предъидущимъ словамъ длинное разсужденіе о благодарности вообще и о неблагодарности въ настоящемъ случаѣ исключительно. Но Руэ не только на недѣлю, но и на день не оставляетъ своихъ занятій съ маленькими. Она оканчиваетъ уже свое послѣднее полугодіе и миссъ Лонгъ съ грустью думаетъ о разлукѣ съ своей дорогой воспитанницей, которая въ послѣднее время была для нея настоящимъ другомъ. Алиса остается еще на полгода и рѣшительно не знаетъ, что будетъ дѣлать безъ своей любимой подружки. Дунканъ скоро долженъ совсѣмъ возвратиться въ Англію, но его послѣднее письмо нѣсколько обезпокоило Руэ: онъ говорилъ о томъ, что, по возвращеніи домой, представить ей новаго друга и что хозяйственныя заботы не будутъ возложены на Руэ. Она догадывалась, что онъ намѣревается жениться, но въ то же время была

недовольна, что онъ такъ мало говоритъ о своей невѣстѣ. Она не ожидала болѣе отъ него писемъ и принуждена была отложить разрѣшеніе тайны до его приѣзда. Но она никакъ не могла понять, почему онъ отъ нея скрывается. Миссъ Лонгъ смотрѣла изъ окна, когда она и Алиса вмѣстѣ прогуливались въ саду и думала: «Какъ братъ ея будетъ счастливъ, увидясь съ ней!» Подруги шли рука въ руку; одна изъ нихъ походила на ясное майское утро, другая—на тихій лѣтній вечеръ, съ очаровательнымъ спокойствіемъ, разлитымъ по лицу. Обѣ высоки и стройны. У Алисы все тѣже свѣтлые, кроткіе глазки, ротъ постоянно улыбающійся и ямочки на щечкахъ. Руоѣ все по прежнему блѣдна, съ удивительно умными глазами; очертаніе рта придаетъ ея лицу особенный характеръ силы и спокойствія. Миссъ Лонгъ видѣла, какъ онѣ разошлись въ разныя стороны и сошла внизъ, чтобы поговорить съ Руоѣю.

— Руоѣ, моя милая, сказала она, сегодня узнала я, что конфирмація назначена 22-го числа этого мѣсяца. Какъ ты думаешь, приѣдетъ къ тому времени Дунканъ?

Руоѣ взглянула на число письма, но это мало помогло ей, потому что онъ не говорилъ, когда отправится въ путь.

«Я надѣюсь, онъ приѣдетъ во-время, и почти желаю чтобъ это было не прежде самаго дня конфирмаціи.»

— Я очень рада, Руоѣ, что ты и Алиса вмѣстѣ будете причащаться. Полли на дняхъ говорила со мной о Джо: она очень желаетъ, чтобы и онъ кон-

фирмовался въ этотъ же день. Онъ уже довольно великъ для этого и она, бѣдняжка, думаетъ, что если отложить это важное событіе еще на нѣсколько времени, то она уже не будетъ свидѣтельницей его. Она никакъ не можетъ оправиться послѣ грустнаго происшествія съ ея отцомъ... Всякій разъ, какъ я у нея бываю, я замѣчаю въ ней перемѣну.

«Въ послѣдній разъ, меня тоже поразила ея слабость. Но она кажется такою спокойною и не нахвалится Джо.»

— Бѣдный мальчикъ! Онъ очень много трудится, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Полли начала хворать. Ей нужна лучшая пища и онъ изъ силъ выбивается, чтобы доставить ей все необходимое. Но, кажется, ея отецъ долженъ скоро быть выпущенъ изъ тюрьмы.

«Да, Полли говорила это, когда я въ послѣдній разъ писала ей письмо къ нему.»

Кто-то позвалъ миссъ Лонгъ и Руоъ одна направилась къ своему любимому мѣстечку, подъ деревья. Она думала о таинственномъ письмѣ Дункана. Хотя она считала величайшимъ счастьемъ жить вдвоемъ съ нимъ, быть хозяйкой въ его домѣ, дѣлить съ нимъ радости и печали, однако она согласилась и съ тѣмъ, что сестра, которую бы она могла полюбить, только увеличить ея счастье. Слова изъ письма Дункана: «если ты не одобришь моего выбора», — неотвязчиво преслѣдовали ее. Она вынула изъ кармана маленькое Евангеліе, подарокъ Алисы, и принялась читать. Она усердно просила Бога отдалить отъ нея всѣ земныя тревоги, чтобы она достойнымъ образомъ

могла приступить къ первому причащенію. Съ того самаго дня, какъ пасторъ началъ готовить ея къ конфирмаціи, Руоѣ почувствовала всю святость этого торжества, и строже начала наблюдать за собой; гордость и гнѣвъ, къ которымъ она въ дѣтствѣ имѣла большую склонность, теперь почти совсѣмъ оставили ее.

Черезъ нѣсколько времени она встала, медленно пошла къ дому и остановилась подъ окнами гостиной, чтобы взглянуть на ландшафтъ, которымъ въ первый разъ столько дѣтъ тому назадъ любовалась съ Дунканомъ. Почти все въ немъ измѣнилось. Сама она также вышла изъ дѣтскаго возраста и оканчивала свое воспитаніе. Но выучилась ли она всему, чему предполагала научиться? Что скажетъ Дунканъ? Это были важные вопросы и она много и серьезно о нихъ думала.

Кромѣ рассказаннаго, произошло много и другихъ перемѣнъ. Исключая Алисы, въ пансіонѣ не оставалось ни одной изъ тѣхъ дѣвочекъ, которыя были въ тотъ достопамятный день, когда она въ первый разъ переступила чрезъ порогъ дома миссъ Лонгъ. Лиззи Спенсеръ—гдѣ-то она теперь? Руоѣ не знала. Джанна Гардингъ? Она вышла замужъ и уѣхала въ Индію съ крошечной дѣвочкой, своей дочерью. Сама миссъ Лонгъ не избѣгла общей участи: лицо ея покрылось морщинами, а волосы сдѣлались совершенно сѣды.

Въ саду тоже произошли перемѣны: маленькія, почти нагія деревца, теперь превратились въ тѣнистыя деревья. Годы на все наложили свою печать, только

широкая рѣка и маленькая бѣлая церковь на противоположномъ берегу остались въ прежнемъ видѣ...

Но думы Руои были внезапно прерваны громкимъ хохотомъ, между которымъ особенно звонко раздавался голосокъ Магги. Вдали показалась группа «маленькихъ», а во главѣ ихъ крошечная, смѣшная дѣвочка, полу-француженка, полу-англичанка, недавно поступившая въ пансіонъ. Она славилась своимъ искусствомъ всѣхъ передразнивать; и теперь она была украшена цвѣтами, одѣта въ платье Магги, которое тащилось за ней длиннымъ шлейфомъ. Нельзя было не угадать съ разу, кого она намѣревалась изобразить. Это былъ въ карикатурѣ миниатюрный портретъ учительницы танцевъ. Когда вся группа подходила къ Руои, маленькая дѣвочка, вертась во всѣ стороны, давала съ самымъ серьезнымъ видомъ наставленія своимъ ученицамъ, употребляя ломаный англійскій языкъ и любимѣйшія выраженія «mademoiselle Façon». Въ эту минуту она учила ихъ ходить и, не смотря на карикатурное изображеніе, въ немъ было столько сходства, что сама Руоѣ не могла удержаться отъ смѣха. Но какъ только Магги завидѣла ее, то забыла о mademoiselle Façon и ея наставленія и съ большей быстротою, нежели граціей, бросилась къ пріятельницѣ.

— Ты находишь, что это дурно, Руоѣ? Это моя вина... я всему научила и одѣла Адель! Ты вѣрно не сердись на насъ и хотя теперь приняла такой серьезный видъ, я однако видѣла, какъ ты смѣялась!»

«Конечно, я не одобряю васъ! И хотя смѣялась, все-таки думаю, вы могли найти болѣе приличную забаву.

— Я никогда не умѣю во-время отличить хорошее отъ дурного, Руѳь. Но я болѣе сама не буду и другимъ не позволю... И она бросилась къ дѣтямъ и закричала: «Адель, остановись, будь умной дѣвочкой! Руѳь находить, что это нехорошо.»

Но Адель, не покидая роли «mademoiselle», отвѣчала такъ смѣшно, что Магги снова расхохоталась. Она возвратилась къ Руѳи съ забавнымъ выраженіемъ на личикѣ, на которомъ изображалось и веселье и въ тоже время страхъ огорчить ее, и сказала:

— Я вижу теперь, что гораздо легче сдѣлать зло, нежели исправить его, заставить идти по дурной дорогѣ, нежели опять вывести на хорошую. (Увы! сколько болѣе умыхъ и зрѣлыхъ головъ пришли къ тому же убѣжденію).

«Попробую я ихъ уговорить, сказала Руѳь и подойдя къ дѣтямъ, воскликнула: «кто хочетъ, чтобы я рассказала какую нибудь исторію?»

Въ одно мгновеніе Адель осталась одна и должна была тоже послѣдовать примѣру другихъ. Руѳь повела ихъ на старое мѣсто, подъ тѣнь деревъ, и тамъ провела среди своихъ внимательныхъ слушательницъ остальное время до начатія классовъ, счастливая сама, потому что дѣлала другихъ счастливыми.

XXIV.

Но что дѣлали въ продолженіи этихъ трехъ лѣтъ Вальтеръ и Тедъ? Вальтеръ, не имѣя большихъ способностей и съ слабымъ здоровьемъ, занимался сначала въ школѣ, потомъ съ наставниками дома, удачно выдержалъ экзаменъ и вступилъ въ Оксфордскій университетъ. Онъ имѣетъ большое вліяніе на своего шулуна брата и все смотрятъ на него съ уваженіемъ, въ которомъ нерѣдко отказываютъ болѣе умнымъ людямъ. Онъ уже выдержалъ второй экзаменъ и чрезъ нѣсколько времени надѣется быть посвященнымъ въ пасторы. Леди Дугласъ всегда желала, чтобъ одинъ изъ ея сыновей былъ священникомъ. Вальтеръ былъ баронетомъ и наслѣдникомъ обширныхъ владѣній и званіе пастора было бы гораздо приличнѣе для второго сына. Но Тедъ оказываетъ къ нему такъ мало склонности, что леди Дугласъ и не настаиваетъ. Она тѣмъ охотнѣе на это соглашается, что надѣется такимъ образомъ удержать Вальтера при себѣ: близъ Бичфильда есть небольшой приходъ, который долженъ ему достаться. Вальтеръ всегда любилъ уединеніе и, безъ сомнѣнія, вблизи отъ своего дома, въ занятіяхъ сельскаго священника найдетъ счастье. Онъ уже отчасти вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей, на каникулахъ занимаясь преподаваніемъ въ школѣ и посѣщая бѣдныхъ и больныхъ Бичфильда.

— А что станетъ съ Тедомъ? спрашивала Руевъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Бичфильдѣ,

и получила въ отвѣтъ, что онъ имѣетъ столько различныхъ наклонностей, что самъ не знаетъ, на которой изъ нихъ остановиться, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мать представила ему цѣлый списокъ различныхъ родовъ занятій: мѣдникъ, портной, солдатъ, матросъ, джентльменъ, аптекарь, пахарь, воръ—есть изъ чего выбрать!

— Нѣтъ, серьезно, Тедъ, чѣмъ вы намѣрены быть? опять спросила Руоъ, гуляя съ нимъ въ двоемъ по морскому берегу.

«Серьезно, Руоъ, я не знаю! Мнѣ бы ужъ давно слѣдовало на что нибудь рѣшиться, а теперь, я боюсь, маменька и Вальтеръ въ большомъ затрудненіи на мой счетъ!»

— Какъ вы провели въ школѣ это послѣднее полугодіе?

«Послѣднее по преимуществу, Руоъ! Кто бы этому повѣрилъ? Я привезъ съ собой въ чемоданѣ свидѣтельство, совершенно схожее съ тѣми, которыя я получалъ каждое полугодіе съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ школу. Много способностей, но очень мало прилежанія. И они все продолжаютъ меня называть вѣтреннымъ... подумайте: молодой человѣкъ моего роста вѣтренный. Это можно сказать развѣ только о мальчикѣ, который еще не вышелъ изъ рубашечекъ.»

— А я думала, что вы сдѣлались очень прилежны, послѣ тѣхъ каникулъ, когда, помните, вы вдругъ принялись за ученье?

«Право, Руоъ, мои труды недостаточно цѣнятся! Вальтеръ говоритъ это потому, что прилежаніе нахо-

дуть на меня только порывами, и не успѣютъ еще за-
мѣтить во мнѣ перемѣны къ лучшему, какъ я уже
снова впадаю въ прежнюю лѣнь. Я съ ними не со-
гласенъ, но какъ бы то ни было, я полагаю, что не
гожусь ни для какого ученаго званія.»

— Въ такомъ случаѣ, вамъ ничего не остается,
кромѣ морской и военной службы. Я полагаю, вы не
имѣете большой склонности къ ремесламъ портнаго и
мѣдника?..

«Я слишкомъ старъ, для того, чтобъ начать те-
перь морскую службу.»

— Правда. А военная вамъ не нравится?

«Очень, и я увѣренъ, что болѣе всего способенъ
къ ней.»

— Но развѣ вы хотѣли бы вести лѣнливую жизнь,
какую ведутъ солдаты въ Англии?

«Нѣтъ, нѣтъ... я хочу служить за границей... сра-
жаться! Ахъ, Руоъ, вотъ это—такъ чудесно!»

Руоъ подумала, что онъ еще совершенный маль-
чикъ и нисколько не измѣнился со времени ихъ перва-
го знакомства, хотя теперь очень выросъ.

— Конечно, Тедъ, жизнь солдата можетъ быть
очень полезна, но не всегда, неправда ли?

«Да, я знаю,—я надѣюсь... т. е. я постараюсь
сдѣлать ее полезной. Я теперь уже не такъ беззабо-
тень, какъ прежде, Руоъ, и о многомъ серьезно думаю.
Если я вступлю въ военную службу, то... но не за-
чѣмъ говорить объ этомъ: вы сами увидите. Дѣла
лучше словъ.»

— Правда, но мнѣ хочется знать ваши мысли, да

и вы сами лучше помнили бы ваши намеренія, если бы кому нибудь ихъ повѣрили.

«Да и самъ я еще ничего не знаю! Видите ли, Руоѣ, я ни на что окончательно не рѣшился, но говорю вамъ, если я когда нибудь сдѣлаюсь полезнымъ членомъ общества, то это не иначе, какъ посредствомъ дѣятельной службы. Я никакъ не могу жить такъ спокойно, какъ Вальтеръ.»

— Не говорите этого, Тедъ: въ случаѣ нужды и вы сумѣли бы ждать. Въ военной службѣ тоже нерѣдко случается оставаться въ бездѣйствіи.

Не столько смыслъ словъ, сколько тонъ, которымъ они были произнесены, заставили Теда замолчать.

«Руоѣ, сказалъ онъ наконецъ, и теперь тоже самое, какъ тогда, когда вы были маленькой дѣвочкой. Вы всегда скажете что нибудь такое, что заставить меня почувствовать на сколько вы лучше меня, и желать походить на васъ.»

— Нѣтъ, Тедъ, не на меня, а на Того, Кто во всемъ долженъ служить намъ примѣромъ.

«Вы по обыкновенію правы, Руоѣ. Но знаете ли, я боюсь, что маменька не согласится на мое желаніе и тогда я принужденъ буду искать себѣ какого нибудь другого занятія.»

— Вы уведомяте меня объ этомъ, Тедъ?

«Непремѣнно, какъ только все рѣшится. А теперь пойдемте къ морю поискать той травы, которой еще нѣтъ въ вашей коллекціи. Мы ее вѣрно найдемъ послѣ вчерашней бури.»

Въ продолженіи всего слѣдующаго полугодія Руоѣ

ожидала извѣстій отъ Эдуарда, но они пришли только наканунѣ конфирмаціи. Она получила письмо отъ леди Дугласъ, а въ немъ нѣсколько строкъ отъ Теда, начинавшихся словами: «Все идетъ благополучно.» Онъ увѣдомлялъ ее, что мать его наконецъ удостовѣрилась въ томъ, что вѣтряные младшіе сыновья годны только для военной службы, что онъ получилъ уже назначеніе и чрезъ нѣсколько недѣль долженъ отправиться въ свой полкъ въ А.... Онъ выражалъ также надежду, что проѣздомъ черезъ Лондонъ увидитъ Руоъ, гдѣ она, вѣроятно, тогда уже будетъ вмѣстѣ съ Дунканомъ. Руоъ очень обрадовалась этому письму, но, читая имя Дункана, вздохнула: онъ еще не пріѣхалъ, она не имѣла о немъ никакихъ извѣстій.

Насталъ послѣдній вечеръ передъ конфирмаціей. Руоъ шла на верхъ, когда встрѣтила на лѣстницѣ Алису въ шляпѣ и шали.

— Я иду къ Дебби и проведу съ нею весь вечеръ, сказала она и прошла мимо.

Руоъ, между тѣмъ, намѣревалась остаться одна въ своей комнатѣ и въ уединеніи приготовить къ завтрашнему дню. Всегда веселое личико Алисы было задумчиво и серьезно.

Дебора Бергонъ немного измѣнилась въ эти три года. Она все еще могла ходить въ церковь, когда бывала хорошая погода и кто нибудь изъ друзей поддерживалъ ея невѣрные шаги; но почти всякій разъ она возвращалась съ мыслью, что ей болѣе не прійдется присутствовать при Божественной службѣ.

Въ этотъ вечеръ, Алиса застала Дебору въ удоб-

номъ креслѣ, ея подаренномъ, передъ круглымъ столомъ, на которомъ лежала раскрытая Библія.

Алиса тихонько отворила двери и заглянула въ комнату. Глаза Дебби были закрыты, она не видѣла своей посѣтительницы и не замѣтила, какъ она вошла, потому что въ послѣднее время начала дурно слышать. Но вскорѣ веселый смѣхъ заставилъ ее вздрогнуть.

— Ну, Дебби, теперь я тебя поймала. Нечего увѣрять меня, что ты не спала! Жаль только, что я разсмѣялась; мнѣ слѣдовало бы накрыть столъ и сдѣлать чай; ты ничего бы не знала и подумала бы, что какаянибудь волшебница посѣтила тебя. О, какъ это глупо съ моей стороны!

Напрасно Дебби увѣряла, что она не спала, а только задумалась: Алиса не хотѣла ничего слышать.

— Я пришла къ тебѣ пить чай, Дебби, сказала она, но сейчасъ же уйду, если ты снова не усядешься въ кресло и не заснешь. Ты не должна открывать глазъ, пока я не позволю тебѣ.

Дебби должна была повиноваться. Алиса начала суетиться и чрезъ нѣсколько минутъ позволила ей открыть глаза. Дебби вѣроятно думала, что времена волшебницъ еще не совсѣмъ прошли, но спрашивала у самой себя: сдѣлала ли бы одна изъ прежнихъ воздушныхъ фей такой прекрасный чай и поджарила ли бы хлѣбъ также вкусно, какъ эта новая осязательная фея? Алиса съ большимъ удовольствіемъ занималась всѣми этими приготовленіями. «Ахъ! воскликнула она, я совсѣмъ забыла объ одной весьма важ-

ной вещи!» и схвативъ свертокъ, который, при входѣ своемъ въ комнату, положила на окно, вынула изъ него превосходный пирогъ и сказала: я его принесла нарочно для тебя, Дебби.

Алиса, не смотря на всѣ возраженія Дебби, вымыла чашки, убрала ихъ въ шкафъ, положила большую библию и очки на ихъ прежнее мѣсто на столъ, а сама сѣла на скамеечку, которую она никакъ не хотѣла замѣнить стуломъ, и принялась говорить со старушкой.

Дебби начала гладить ее по головкѣ и подумала, что она дѣлается все болѣе и болѣе похожа на свою мать, которую старушка такъ нѣжно любила.

— Какъ я старѣюсь, Дебби! сказала Алиса.

«И въ самомъ дѣлѣ, моя милочка? тебѣ уже 16 лѣтъ. Удивительно, какъ это у тебя нѣтъ еще сѣдыхъ волосъ!»

— Нѣтъ, Дебби, я не то хочу сказать, я не по лѣтамъ стара, а по чувствамъ: у меня столько заботъ!

Дебби улыбнулась. «Какихъ заботъ, Алиса?»

— Какъ какихъ? Завтра Руоъ уѣзжаетъ, завтра же день конфирмаціи.

«Да, душенька,» и она снова принялась гладить ее блестящіе волосы.

— А тамъ, черезъ шесть мѣсяцевъ, я сама выйду изъ пансіона и мнѣ прійдется не только самой о себѣ заботиться, но еще распорядиться множествомъ денегъ.

«Не надо, Алиса, такъ далеко заглядывать въ будущее. Я не вижу, почему заботы твои увеличатся,

когда ты станешь жить у твоего опекуна. Ты на каникулахъ всегда пріятно проводила у него время.»

— О, да, я его очень люблю и все его семейство. Но до сихъ поръ я была ребенкомъ, теперь же, выйдя изъ пансіона, я буду совсѣмъ взрослой дѣвушкой. Но, Дебби, я твердо рѣшилась исполнять то обѣщаніе, которое, помнишь, я тебѣ давно дала. Вѣдь до сихъ поръ я ничего не сдѣлала такого, чтобы заставило тебя взять у меня назадъ маменькину книжечку для иголокъ? прибавила она тихонько.

«Нѣтъ, мое дитя, и я надѣюсь, этого не случится до конца моей жизни!»

— Дебби, мнѣ ужасно грустно, что ты старѣешься.

«Да, Алисочка, мнѣ уже 78 лѣтъ!»

— А почему же бы тебѣ не прожить и еще одинъ, другой десятокъ?

«Въ послѣдній разъ я съ трудомъ возвратилась изъ церкви. Но я буду очень благодарна Господу, если Онъ допуститъ меня еще одинъ разъ побывать въ Его храмѣ.»

— Это завтра?

«Да, моя милочка, завтра. Я въ послѣднее время много думала о письмѣ твоей маменьки, которое мы, помнишь, вмѣстѣ читали, и много печалилась о томъ, что ничего не могла для тебя сдѣлать. Дорогая Алиса! никогда не забывай твоей маменьки и старайся во всемъ на нее походить.»

Алиса съ минуту помолчала, потомъ очень серьезно сказала:

— Дебби, ты мнѣ сдѣлала много добра! Я очень

беззаботна и часто забываю то, что мнѣ слѣдовало бы всегда помнить, но увѣряю тебя, я болѣе всего на свѣтѣ желаю поступать такъ, какъ насъ учитъ Иисусъ.

Слеза упала на головку Алисы; это была слеза радости.

Онѣ долго сидѣли молча. Начало смеркаться, небо покрылось тучами и Дебби отослала домой свою молоденькую гостью, пока еще не пошелъ дождь. Дебби не спала почти всю ночь отъ радости, что ея величайшее желаніе исполнилось, и молила Господа подкрѣпить Алису въ ея хорошихъ намѣреніяхъ.

На другой день она пошла въ церковь. Алиса, подходя къ алтарю, увидѣла ея лицо и навсегда запомнила взглядъ, устремленный на нее: она въ послѣдній разъ видѣла Дебору Бертонъ. Когда она, послѣ каникулъ, снова возвратилась въ пансіонъ, хорошо знакомая ей комнатка въ богадѣльнѣ опустѣла и на кладбищѣ виднѣлась свѣжая могила. Алиса долго молилась на ней и плакала. Старую библию въ зеленомъ переплетѣ, съ двумя письмами, она нашла въ своей комнатѣ. Миссъ Лонгъ сказала, что Дебби, умирая, просила ея передать ее. Алиса была довольна, что нашла ее у себя на столѣ, а не получила ее изъ чьихъ нибудь рукъ. Ей казалось, что невидимый духъ няни принесъ ее туда и что онѣ станетъ всегда летать вокругъ нея и заботиться о ней, какъ во время своего пребыванія на землѣ.

XXV.

Руоѣ не провела своего вечера такъ, какъ надѣялась—въ уединеніи. Когда она входила въ свою комнату, служанка догнала ее и сказала, что пришелъ Джо и хочетъ ее видѣть. Она тотчасъ же отправилась въ прихожую.

— Миссъ, сказалъ онъ, Полли сегодня себя очень нехорошо чувствуетъ; она желаетъ васъ видѣть. Я боюсь за нее, прибавилъ онъ неохотно, и только потому и рѣшился васъ беспокоить въ такое время.

Руоѣ отвѣчала:

«Я попрошусь у миссъ Лонгъ, Джо. Она вѣрно меня отпуститъ. Я сейчасъ приѣду.»

— Благодарю васъ, миссъ. Докторъ только что у насъ былъ; онъ не подаетъ... мальчикъ остановился еще разъ, потомъ выразительно произнесъ: благодарю васъ, миссъ,—быстро повернулся и ушелъ.

Около двухъ недѣль уже, какъ Полли была очень больна и не вставала съ постели. Руоѣ часто навѣщала ее и съ грустію замѣчала, какъ она постепенно ослабѣвала. Но въ послѣдній свой визитъ, наканунѣ, она, къ удивленію, застала Полли на ногахъ, одѣтую, почти веселую.

Миссъ Лонгъ сначала тоже обрадовалась мнимому выздоровленію слѣпой дѣвушки, хотя потомъ поняла, что только безпокойное, лихорадочное состояніе придавало ей силъ. Миссъ Лонгъ посылала въ этотъ самый день утромъ освѣдомляться о ней, и посланный

возвратился съ извѣстіемъ, что Полли провела ночь спокойно. Тѣмъ не менѣе, Руоь мало удивилась; она не слишкомъ надѣялась на это внезапное возвращеніе силъ и ожидала, что онѣ ей снова скоро измѣнять. Миссъ Лонгъ охотно согласилась на просьбу Руои, сама она не могла ее сопровождать, но обѣщала вечеромъ за ней прислать.

Руоь отправилась къ знакомому коттеджу; она шла такъ скоро, что служанка, провожавшая ее, съ трудомъ могла за ней слѣдовать. Ее погонялъ какой-то неопредѣленный страхъ, что Полли умираетъ и она прійдетъ слишкомъ поздно.

Онѣ подошли къ калиткѣ. Руоь отослала служанку, тщательно заперла за ней дверь, потому что вспомнила, какъ Полли не любила оставлять ее отворенной: она часто видѣла, какъ слѣпая дѣвушка, послѣ ухода Джо, ходила къ калиткѣ, чтобы удостовѣриться затворена ли она. Идя по тропинкѣ къ дверямъ коттеджа, она думала о своемъ разговорѣ съ ней три года тому назадъ. Она тихоюшко вошла въ комнату, тамъ никого не было и она поднялась по узенькой лѣстницѣ на верхъ. Шаги ея были такъ легки, что Джо, сидѣвшій возлѣ постели и въ полъ-голоса что-то читавшій, не замѣтилъ ея прихода. Руоь остановилась у дверей, подождала, пока онъ окончитъ начатый гимнъ, и тогда подошла къ постелѣ. Джо быстро обернулся и, не говоря ни слова, приложилъ палець къ губамъ. Руоь взглянула на Полли: она спала, гимнъ успокоилъ ее и она впала въ легкую дремоту. Джо усту-

пилъ ей свое мѣсто, подаль ей книгу, а самъ вышелъ изъ комнаты.

Окно было отворено. Прекрасный лѣтній вечеръ, пѣніе птицъ, смѣхъ дѣтей, доносившійся изъ дома, все это рѣзко показывало разницу между жизнью и смертью, — потому что смерть уже ясно наложила свою печать на черты больной, которая такъ измѣнилась даже со вчерашняго дня, что Руѳъ едва узнала ее. Щеки ввалились, подъ глазами лежали сивія темныя полосы, но выраженіе лица было совершенно спокойно.

Черезъ нѣсколько минутъ, Полли пошевелинулась и едва слышнымъ голосомъ спросила:

«Джо, что сказала миссъ Руѳъ? скоро ли она прійдетъ?»

Руѳъ поцѣловала ее въ лобъ и сказала: я здѣсь милая Полли; я сидѣла возлѣ васъ, пока вы спали.

«Въ самомъ дѣлѣ? сказала она громче. Мнѣ теперь лучше: я видѣла во снѣ будто онъ возвратился! Миссъ Руѳъ, которое сегодня число?»

— 22-ое іюня, Полли!

«Я такъ и думала. А который часъ?»

— Около 7-ми.

«Да... онъ прійдетъ всѣ-время. Прошу васъ, прочтите мнѣ что нибудь изъ библіи, я можетъ быть опять засну и сдѣлаюсь къ тому времени сильнѣе.»

Руѳъ начала читать совершенно машинально. Слова Полли удивили ее: она не знала, дѣйствительно ли больная ожидала возвращенія своего отца или только бредила.

Полли скоро опять заснула, а Руѳъ осторожно со-

шла внизъ къ Джо. Онъ сидѣлъ, облокотясь на столъ и спрятавъ лицо въ руки.

— Джо, спросила Руоъ, вы ожидаете сегодня домой вашего отца?

«Отца? сегодня вечеромъ, миссъ Руоъ?» проговорилъ Джо въ изумленіи.

— Да, я заключила изъ словъ Полли, что онъ долженъ сегодня возвратиться, но, можетъ быть, она бредить.

«Нѣтъ, миссъ Руоъ, она лучше меня знаетъ... я думалъ, что его скоро должны выпустить, но не ожидалъ, чтобы это было сегодня! Я никогда не рѣшался о немъ говорить съ Полли, мнѣ было страшно.»

— Отчего?

«Не знаю, миссъ, но я надѣялся, что Полли прежде умретъ,» прибавилъ онъ тихонько.

— Напрасно, Джо. Полли, вѣроятно, будетъ очень рада увидѣть его передъ смертью.

«Можетъ быть, миссъ, я не знаю.»

— Оставайтесь здѣсь, Джо, и если онъ прійдетъ, предупредите его о болѣзни Полли, но не пускайте его прямо на верхъ.

И Руоъ снова пошла въ комнату больной, сѣла возлѣ постели и принялась читать про себя; но она никакъ не могла слѣдить за смысломъ словъ. Вскорѣ она закрыла книгу и, смотря на ясное небо, задумалась о Полли и о томъ, что не долго уже ей оставаться на землѣ. Какъ долго сидѣла она такъ, она сама не знала, но солнце начало заходить и она поправила занавѣски на кровати Полли, чтобы защи-

тить ее отъ послѣднихъ его лучей. Разъ ей показалось, что она слышитъ голоса внизу, но не была въ томъ увѣрена. Вскорѣ Полли сказала:

«Онъ теперь все знаетъ,—позовите его ко мнѣ.»

Руоъ не тотчасъ послушалась ее и она продолжала: «Миссъ Руоъ, развѣ вы не слышали, какъ онъ пришелъ? Джо, вѣроятно, ужь предупредилъ его... пусть онъ прійдетъ ко мнѣ!»

Руоъ, сойдя нѣсколько ступенекъ, услышала сдержанныя рыданія и поспѣшила войти въ комнату. Плакалъ Джо; возлѣ него стоялъ человекъ съ лицомъ совершенно спокойнымъ. Руоъ тотчасъ же узнала въ немъ отца Полли, хотя онъ теперь совсѣмъ не походилъ на браконьера, котораго она однажды встрѣтила у калитки сада и испугалась.

Онъ увидѣлъ Руоъ и задыхающимся голосомъ спросилъ: «Могу я пойдти къ ней?»

Руоъ кивнула головой и онъ послѣдовалъ за ней на верхъ, а Джо остался въ прежнемъ положеніи. Когда они вошли въ комнату, Полли приподнялась, протянула руки и прошептала:

— Отецъ, отецъ! и снова опустилась въ изнеможеніи. Онъ бросился къ ней, схватилъ бѣдныя, ослабѣвшія руки и обвилъ ихъ вокругъ своей шеи. Она напрягла всѣ свои силы, чтобы прижать его къ груди, и потомъ снова руки ея упали и она лежала неподвижно. Отецъ въ тревогѣ проговорилъ: «она умираетъ!» Но Руоъ обтерла ей виски и лобъ холодной водой и она пришла въ себя. Старикъ всталъ на колѣни у постели, а Руоъ сѣла у окна и наблюдала, какъ мало

по малу тѣни ложились на деревья и только что скошенные поля. Полли была очень спокойна, изрѣдка шевелила пальцами, чтобъ удостовѣриться въ томъ, что дѣйствительно держать руку своего отца, съ которымъ такъ долго была разлучена. Биль тоже былъ спокоенъ и Руэи это не казалось удивительнымъ. Въ этой комнатѣ, гдѣ чистая душа медленно переходила въ лучшій міръ, невозможно было предаваться шумной печали. Разъ послышался шепотъ, она не могла слышать словъ Полли, но слышала отвѣтъ отца:

— Я заблуждался, но Отецъ Небесный сжалился надо мной.

Полли съ жаромъ произнесла: «Слава Богу» и снова все погрузилось въ молчаніе. Руэи оставила отца одного съ умирающей дочерью, а сама пошла внизъ, чтобы утѣшить Джо. Но когда она увидѣла его все въ томъ же положеніи, выражающемъ отчаяніе, она не знала что ему сказать. Онъ поднялъ голову: по лицу его текли крупныя слезы.

— Джо, сказала она наконецъ, теперь вы не жалѣете болѣе о томъ, что вашъ отецъ возвратился?

Онъ не отвѣчалъ.

— Вамъ бы слѣдовало взглянуть на нихъ. Пойдемте на верхъ.»

Онъ не пошевелился.

— Пожалуста, Джо, пойдемте, продолжала она ласково.

Онъ всталъ и они поднялись по лѣстницѣ. Ст! прошептала Руэи Два голоса читали Отче нашъ: одинъ

былъ очень слабъ, а другой дрожалъ отъ внутренняго волненія.

Они подождали на лѣстницѣ, пока не кончилось чтеніе, а потомъ возвратились въ кухню. Джо первый заговорилъ:

— Да, миссъ Руѳъ, теперь я радъ его возвращенію. Можетъ быть, мы станемъ болѣе любить другъ друга отъ того, что были вмѣстѣ сегодня вечеромъ. Батюшка очень измѣнился!

«Да! Теперь вы не должны презирать его, Джо; не забывайте: онъ вашъ отецъ, вы должны, да, вы должны его любить и заботиться о немъ.»

— И уважать тоже, миссъ Руѳъ?

«Да, и уважать...теперь онъ заслуживаетъ этого. Вспомните, Джо, о блудномъ сынѣ, котораго Господь принялъ!»

— Я постараюсь, миссъ Руѳъ, и Богъ мнѣ поможетъ.

«Да, Онъ поможетъ. Завтра вы должны были причащаться, но теперь...»

— Полли желала, чтобъ я подтверждался во всякомъ случаѣ. Она сегодня это сказала и если она ночью умретъ, я все-таки буду причащаться, миссъ Руѳъ!

«И вашъ отецъ пойдетъ съ вами въ церковь и Полли, можетъ быть, будетъ тамъ же, Джо! Если бы она была жива и здорова, она не могла бы видѣть васъ, тогда какъ теперь.... А потомъ вы начнете новую жизнь.»

— Я надѣюсь, онъ уѣдетъ въ Австралію, миссъ Руѳъ.

«Въ такомъ случаѣ, вы поѣдете съ нимъ?»

— Я не хотѣлъ съ начала, но теперь, можетъ быть, поѣду. Я думаю, Полли этого желала бы! Онъ идетъ сюда, миссъ!

Биль пришелъ, чтобы послать Джо за священникомъ: Полли еще разъ желала причаститься, въ первый и въ послѣдній разъ вмѣстѣ со своимъ земнымъ отцомъ.

Чась спустя, Руѳъ и Джо вмѣстѣ присутствовали при священнодѣйствіи, въ которомъ на другой день должны были сами принять участіе. Они не спускали глазъ съ умирающей дѣвушки. Одинъ разъ Руѳъ чуть не бросилась къ ней, увидя внезапное измѣненіе въ ея лицѣ. Но она опять ожила и приняла хлѣбъ и вино, сначала принятые ея отцомъ, а потомъ поднесенные ей. Всѣ вмѣстѣ стали читать Отче Нашъ.

Громкимъ и твердымъ голосомъ произносила Полли слова — но потомъ вдругъ ослабѣла и остановилась. Священникъ тоже остановился. Въ одномъ вздохѣ душа ея отлетѣла.

Священникъ торжественно благословилъ отшедшую душу, потомъ всѣхъ присутствующихъ и взялъ Руѳъ за руку, чтобы увести ее. Она остановилась, поцѣловала нѣкогда бѣдную, а теперь счастливую дѣвушку, и послѣдовала за нимъ.

Сцена, при которой она только что присутствова-

ла, была наилучшимъ приготовленіемъ къ завтрашнему дню.

XXVI.

День конфирмаціи насталь. Маленькая процессія медленно проходила по кладбищу. Странно и въ тоже время грустно было видѣть разныя выраженія на молодыхъ лицахъ. Нѣкоторыя были задумчивы и смиренны, другія беззаботны или боязливы, смѣлы или веселы; иныя, по видимому, думали о чемъ-то постороннемъ, а иныя обращали все свое вниманіе на присутствовавшихъ. Но здѣсь было по крайней мѣрѣ два чистыхъ сердца. На блѣдныхъ щекахъ Руонъ видѣлись слѣды вчерашняго горестнаго событія,—а лицо Джо выражало еще болѣе глубокое страданіе: онъ шель позади всѣхъ, возлѣ отца, который опирался на него и старался отвлечь его вниманіе отъ любопытныхъ взглядовъ, устремленныхъ на него со всѣхъ сторонъ.

Грустно было думать, что многіе изъ этихъ молодыхъ людей возвратятся, не получивъ обѣщаннаго благословенія.

Миссъ Лонгъ была тоже въ церквѣ. Когда Руонъ и Алиса, ея двѣ старшія и самыя любимыя воспитанницы, встали на колѣни, чтобы съ дѣтскимъ смиреніемъ получить благословеніе, она почувствовала гораздо болѣе радости и благодарности, нежели страха. До сихъ поръ онѣ только учились и теперь едва на-

ставала пора извлекать пользу изъ силъ, которыми онѣ успѣли запасть; но она не боялась за нихъ, а напротивъ, много ожидала отъ нихъ въ будущемъ.

По окончаніи службы, онѣ трое стояли въ дверяхъ церкви. Почти всѣ уже разошлись и только нѣсколько группъ еще виднѣлись на кладбищѣ. Руѳъ не обратила на нихъ вниманія; она даже едва замѣтила одного мужчину и двухъ дамъ, стоявшихъ посреди дорожки, по которой ей слѣдовало идти. Мужчина стоялъ спиной, но одна дама обернулась и пристально посмотрѣла, сначала на миссъ Лонгъ, а потомъ на Руѳъ и Алису. Онѣ едва успѣли пройти мимо, какъ кто-то позвалъ Руѳъ. Она вздрогнула, обернулась и чрезъ минуту была въ объятіяхъ Дункана, который ее нѣжно цаловалъ! Все это случилось такъ внезапно и такъ неожиданно, что она не могла прійти въ себя, но изумленіе ея еще болѣе усилилось, когда онъ ей сказалъ:

— Руѳъ, долженъ ли я тебя представить этой леди, или ты сама съ ней познакомишься?

Она посмотрѣла въ ту сторону, куда ей показывалъ Дунканъ, и вся вспыхнула: она увидѣла Лиззи Спенсеръ! Радость ея была безгранична, слезы почти не позволяли ей ничего видѣть. Но вскорѣ радостныя восклицанія другихъ привели ее въ себя. Миссъ Лонгъ сіяла отъ удовольствія при встрѣчѣ съ своей дорогой Лиззи; Алиса тоже не отставала отъ нея въ выраженіи своего восторга. Другая дама была мать Лиззи. Миссъ Лонгъ ее всего только одинъ разъ видѣла, но м-съ Спенсеръ была такъ привѣтлива, что съ ней

всѣ скоро знакомились; однимъ словомъ, она была мать Лиззи! Идя домой, они рассказали, когда пріѣхали и въ какое время службы вошли въ церковь. Руоѣ молчала; она не отходила отъ Дункана, который въ свою очередь крѣпко сжималъ ея руки и безпрестанно на нее взглядывалъ, какъ бы не вѣря, что она наконецъ съ нимъ. Это былъ достопамятный день. Когда они пришли домой, пришлось со многими прощаться, потому что всѣ пансіонерки, въ томъ числѣ и Броуни, разъѣзжались домой на каникулы. Бѣдная, маленькая Магги! Она сначала громко плакала и смотрѣла на Дункана, какъ на врага, потому что онъ отнималъ у нея ея лучшаго друга. Потомъ однако они помирились. Броуни спрашивала у Руоѣ, будетъ ли она дома также счастлива, какъ и въ пансіонѣ? Это казалось ей невозможнымъ вдали отъ нея, Магги. Руоѣ отвѣчала счастливой и довольной улыбкой, а Дунканъ настоятельно просилъ ее пріѣхать къ ней и самой удостоверить въ ея счастіи. Вслѣдствіи этого личико дѣвочки прояснилось; послѣдними ея словами были.

— Руоѣ, я постараюсь быть для маленькихъ тѣмъ, чѣмъ ты была для меня.

Къ вечеру всѣ, въ томъ числѣ и Алиса, разъѣхались и въ домѣ водворилась совершенная тишина. Радость и горе смѣшивались въ чувствахъ Руоѣ, но радость была сильнѣе: она даже иногда забывала, что проводить послѣднюю ночь въ домѣ миссъ Лонгъ. Впрочемъ Дунканъ обѣщалъ, что она часто будетъ ея гостьей. Руоѣ не ошиблась въ своихъ догадкахъ на

счетъ его женитьбы, но очень ошиблась на счетъ своей новой сестры.

Но въ этомъ былъ виноватъ самъ Дунканъ. Когда братъ и сестра сидѣли вмѣстѣ въ саду, она упрекала его за таинственное письмо и заставила все себѣ рассказать: о томъ, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Лиззи пріѣхала на Бермудскіе острова, встрѣтилась съ нимъ, какъ онъ вспоминалъ о ея дружбѣ съ Руоью, и проч. и проч.

— Видишь ли, Руоь, прибавилъ онъ съ улыбкой, ты во всемъ виновата! Ты мнѣ столько наговорила о Лиззи и добрѣ, которое она тебѣ сдѣлала, что и я захотѣлъ воспользоваться ея милыми качествами.

«Лиззи всѣмъ дѣлаетъ добро, Дунканъ. Мнѣ не вѣрится, что она въ самомъ дѣлѣ будетъ моей сестрой.»

— Да, Руоь, я очень, очень благодаренъ за мое счастье. Знаешь ли, я многому уже отъ нея научился и надѣюсь, что она и въ послѣдствіи будетъ мнѣ помогать.

«Да, Дунканъ, вы будете учить другъ друга и меня.» Она нѣжно поцѣловала его.

— Но вѣдь теперь ты уже окончила свое образованіе, сказалъ онъ улыбаясь.

«Нѣтъ, нѣтъ, Дунканъ, я его еще только начинаю, передо мной все таже цѣль: быть умной и доброй! И сегодняшній день еще болѣе освятилъ мое желаніе.»

Они замолчали; наконецъ Дунканъ спросилъ:

— Ты мнѣ еще не сказала: одобряешь ли ты мой выборъ.

«Милый Дунканъ, отвѣчала она: — теперь мнѣ остается только за все благодарить Господа. Печаль миновала, осталось одно счастье!»

И она пошла на встрѣчу къ Лиззи, которая шла къ нимъ черезъ лужокъ.

Журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 140 до 200 страницъ. Смотря по содержанию статей, въ журналѣ будутъ помѣщаться картинки, чертежи, географическія карты, планы и проч.

Цѣна за **12** книжекъ въ годъ **ШЕСТЬ рублей**, съ доставкою на домъ — **СЕМЬ руб.**, съ пересылкою въ города **СЕМЬ руб. ПЯТЬДЕСЯТЪ коп. сер.**

Для учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, **ШЕСТЬ руб.** съ пересылкою.

Казенныя учебныя заведенія могутъ доставлять деньги въ теченіи 1862 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ — въ конторахъ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ»: при книжныхъ магазинахъ *Василья Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, и *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова.

Въ Москвѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Н. Щепкина и К^о*, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Въ тифлисѣ — у книгопродавца *Беренштама*.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія *исключительно въ редакцію журнала*, въ С. Петербургъ, на Мойкѣ, близъ Пѣвческаго моста, въ домъ княгини Волконской.

Каждый № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе журнала зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, неполучившіе какого-либо № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ господину С. Петербургскому Почтъ-Директору.